

САНКТЪ ПИТЕРЪ БУРХЪ.

КАК НАЧИНАЛИСЬ:

Река Нева...

Санкт-Петербург...

*Петропавловская
крепость.*

КАК НАЧИНАЛИСЬ:
РЕКА НЕВА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ
КРЕПОСТЬ.

Санкт-Петербург
2009

Название «Нева» неразрывно связано в сознании современного человека с Санкт-Петербургом. Но и задолго до основания Северной столицы эта река играла огромную роль в жизни человека. Она родилась на глазах людей, обитавших в этой местности. Хотя и неприлично говорить о возрасте женщины, но красавица Нева, по сравнению со своими товарками, совсем юная дама – не более 4000 лет.

Предполагается, что в древние времена вода покрывала всю территорию от Балтийского моря до Ледовитого океана, а Скандинавия была огромным островом на бескрайних водных просторах.

Шло время, и вокруг острова Скандинавия начали появляться мели. Это было следствием подъема суши, процесса, который не прекращается и сегодня. На мелях застревали доисторические айсберги и постепенно гигантский ледяной панцирь покрыл всю Скандинавию. Вскоре под собственной тяжестью он стал расплзаться в разные стороны. Огромные массы льда двигались с севера, из Скандинавии и Карелии, «перепахивая» территории современных России, Польши, Германии, Англии и пр. Ледник срывал с древних гор камни громадной величины, увлекая за собой обломки горных пород, крупные валуны, гравий, щебень, гальку, песок и глину.

За тысячи лет ледникового периода не раз менялся климат, потепление сменялось похолоданием. Наступление и таяние древних ледников привело к возникновению огромных трещин и расселин в земной коре. Наполняясь талой водой, они образовали множество рек и озер, которыми славятся сегодня Карелия и Финляндия. Древние карелы, видя вокруг себя следы прошедшего ледника, сложили легенду о великанах-мете-лиляйнах, которые с невероятным шумом передвигались по лесу, вырывая с корнями деревья и оставляя за собой широкие просеки, а в раздражении кидались друг в друга гигантскими валунами.

Постоянные климатические изменения привели к тому, что самое большое из существующих ныне озер — Ладожское - неоднократно превращалось то в залив, то в обособленное озеро. Ледниковый период закончился 10-12 тысяч лет назад, но и за 7 тысяч лет до возникновения Санкт-Петербурга Ладога была заливом древнего моря и соединялась с ним широким проливом на севере Карельского перешейка. Ближе к нашим дням два процесса изменили географическую обстановку: быстрый подъем Скандинавии и понижение уровня воды в древнем океане. Пролив был перегороден, и единственным путем для вод Ладожского озера стала нынешняя приневская низменность. Древнебалтийское море мелело медленно и оставило территорию нынешнего Санкт-Петербурга всего лишь 2,5 тысячи лет назад. Образовался широкий пролив, достигающий местами 29 километров в ширину, который позже превратился в реку. Судя по всему, пролив был столь широк, что воспринимался тогдашними жителями Приладожья как продолжение Ладожского озера. Так, в Несторовой летописи, где подробно описан водный путь «из варяг в греки», река Нева не упоминается, а говорится о «великом озере Нево». Нево (что значит «море»; считается, что это слово оставили заходившие сюда в III — IV веках древние сарматы) тогда было другим названи-

“Гром-камень”. Будущий постамент для “Медного всадника”.

ем Ладоги. Если Нева была уже в то время, то она была короче и шире, поэтому не воспринималась как река, ее считали устьем Ладоги. И финны, которые называли Неву – Невайоки («Болотистая река», из-за ее заболоченного устья), стали звать так и Ладожское озеро, считая их единым целым.

Причиной образования нынешнего русла Невы могли стать и землетрясения, которыми сопровождался подъем суши. О более поздних из них упоминается в новгородских летописях. Например, в 1176 году сообщается, что «река Волхов в это лето в течение пяти дней шла на взвод», а во Второй новгородской летописи, 1230 года: «В лето 6738 тресеся земля по Велице дни (после Пасхи) в пяток на 5 недели в обед».

Средневековая карта.

Но вполне возможно, что Нева возникла после других, неизвестных нам геологических изменений в VIII — XII веках. В этом случае можно говорить о совсем «младенческом» возрасте реки – что-то около 1000 лет. Во всяком случае, первое раздельное упоминание озера и реки встречается в официальных документах лишь в 1204 году.

Ладога имела много имен, ее звали Алдеа, Алда-ген, Алдеск, Альдога. Последнее было преобразовано русскими в Ладогу. По другой версии название образовано от наименования города Ладога, в свою очередь получившего имя по притоку реки Волхов — Алоде-йоки (в переводе с финского: «Река в низине»). (Правда, в связи с названием города существует и романтическая версия: что славянский бог любви и согласия Ладо приплыл по реке и, встав на красивом зеленом прибрежном холме, основал здесь город.) Начиная с 1228 года в документах появляется название - Ладожское озеро.

Нева отличается от других рек не только историей своего возникновения - она во всем река не обычная. Несмотря на свою небольшую длину (от истоков до устья по течению всего 74 километра), Нева относится к большим, крупным рекам, поскольку площадь ее бассейна (водосбора) превышает 281 тысячу квадратных километров (большими считаются реки, у которых эта цифра превышает 50 000).

60 000 рек разной протяженности собирают воду бассейна и несут ее в 50 000 озер, которые создают стройную природную систему. Самое большое из озер — Ладожское. Его средняя глубина — 51 метр, наибольшая — 230 метров. Здесь заключён колоссальный объём воды — около 900 кубических километров. В Ладогу впадают 50 рек, самые крупные из которых — Волхов, Свирь, Вуокса, Сясь. Вытекает из Ладоги только Нева.

Северная равнина вмещает в себя обширные речные бассейны, стоящие в неразрывной связи с огромными озерами. Особенностью данной водной системы является то, что каждая река прямо или косвенно является путем из озера к морю. Нарва уносит воды из Чудского озера в Финский залив; Нева несут туда же воды Ладожского озера, Волхов пе-

реводит воды озера Ильмень в Ладожское, откуда они через Неву текут в Финский залив; то же делает Свирь с водами Онеги. Почти каждая из этих рек, служа соединительным звеном между двух озер, представляет прекрасный судоходный путь. Издавна, при пустынности страны, эти реки служили единственными путями сообщения.

Но в историческом отношении наибольшее значение имеет Нева, так как она играет первостепенную роль в истории древнего Новгорода. Природные особенности водной системы бассейна Невы таковы, что на полноводность реки не влияют ни дожди, ни засухи, уровень воды в ней всегда одинаково высок. Издревле привлекало сюда торговых людей то, что пройти Неву можно было на любых судах. Глубина у берегов Невы достаточна для того, чтобы суда могли подходить к ним вплотную, поэтому и пристани возникали у любого поселения. По Неве открывался путь с Запада на Восток. Здесь начиналась балтийская торговля.

Интересно, что человек, скорее всего, стал свидетелем возникновения Невы. Люди появились на побережье Ладоги где-то в IV тысячелетии до н. э., так археологи датируют найденные здесь поселения каменного века.

Изначально здесь селились вперемежку угро-финские и славянские племена. Летописи сохранили названия племен,

обитавших в этих краях: водь, чудь, ижора, карелы.

Земля была очень редко заселена. В негостеприимных делях и топах этой скудной и неприглядной страны влалчл полудикую жизнь «суровый финн». Как пишет историк: «Он был пасынком у истории. Коренной абориген этой страны, он никогда, однако, не был ее полным господином: и он сам и его земля искони находились в зависимости от более могущественных соседей. Сам он относился пассивно к вековому спору этих народностей из-за обладания его землей...» Карамзин же пишет: «Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные. ...Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собою сходственными, что можем несомнительно признать их народами единоплеменными и назвать вообще финскими. ...От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобитнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности...

...Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их римский историк; имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро, меря — Ростов, мурома — Муром. Древняя история скандинавов часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и незави-

Русь в IX - начале XII веков.

симых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с Биармиею, а на северо-запад с Квенландиею, или Каяниєю.

Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. Биармиею называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за коею они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии». (Карамзин Н. История государства Российского. Избранные главы. —М. «Эксмо», 2005, с. 18-19.)

Русские тоже издревле селились и утверждались у левого побережья Невы. Но первые русские поселения были очень редки и малочисленны для того, чтоб могли послужить достаточным ядром для возникновения крупного поселения. Самыми древними обладателями Невы были новгородцы. С первых лет существования Древней Руси местность, где лежит теперь Петербург, берега Невы с лежащими на ней землями: Ижорской (Ингрией или Ингерманландией) и Карельской, издавна составляли собственность Великого Новгорода, под названием Водской пятины. Новгородская земля в то время была разделена на 5 частей — «пятины». Пятины делились на уезды, а уезды — на погосты. Дельта Невы находилась в Водской пятине, названной так по имени племени водь, издавна обитавшего в этих местах. Вторая по времени переписная окладная книга Водской пятины 6008 года (1500 год) сохранилась до наших дней. По ней берега Невы входили в состав Ореховецкого уезда.

Средневековая карта с отмеченной крепостью “Орешек”.

В отказных и обыскных книгах 1587 года сказано: «В прошлых годах ореховский наместник и воевода князь Богдан Гагарин послал Будашева на государеву службу в подъезд под немецкие люди в Ижерский погост, и тут взяли его в полон немецкие люди Свейские». Там же написано: «Усадище, где живал Субота Похабный на Неве-реке, на паруге (пороге), двор выжгли немецкие люди, как шли под Орешек».

Летописец Нестор говорит, что по Неве «ходили новгородцы в Варяжское море, а там и до Рима». Из русских земель по Неве плыли ладьи с русскими товарами на остров Готланд, в Швецию, Данию, Славянское поморье. С Запада по Неве пролегал путь к Волге и Дону, а оттуда на Юг и Восток.

Почти за тысячу лет до основания Санкт-Петербурга новгородцы обосновались на побережье Ладожского озера и Финского залива и вышли к реке Нарове. Здесь проходи-

Ладожская крепость. 1634 г.

Гравюра из книги А.Олеария "Описание путешествия в Московию."

ла северная граница племенной территории славян ильменских, открытая поверхность которой с незапамятных времен становится местом, где совершаются разные исторические события и где, в течение столетий, шла борьба двух народов — Шведов и Русских для разрешения вопроса, кому из них должно принадлежать первенство на севере.

Еще в VIII веке новгородцы построили на берегу Ладожского озера крепость Ладога. По другой версии в 862 году ее «срубил» призванный древними славянами на княжение вместе со своими братьями варяжский князь Рюрик. Карамзин пишет, со слов древнего летописца Нестора, что «славяне новгородские, кривичи, весь и чудь отправили посольство за море, к варягам-руси, сказать им: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — идите княжить и владеть нами... Братья именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над

людьми...» С этого началось становление русской государственности, возникла «империя Рюриковичей» - Киевская Русь. После распада Киевской Руси земли вдоль Ладожского озера, Невы и Финского залива вошли в состав Новгородской республики. Жившие на этих землях племена входили в состав Новгородского государства на правах федератов, признавали власть Новгорода и платили ему дань. В IX веке вверх по течению Волхова дальше Ладоги корабли не могли пройти из-за речных порогов, на которых сейчас построена Волховская ГЭС. (За сотни лет уровень воды в Неве понизился, осадка морских судов стала больше, поэтому морской порт Петербурга обосновался на Стрелке Васильевского острова, дальше которой суда из Балтики пройти не могли.) В то время Ладога становится крупным международным торговым центром. Этим путем шла вся заграничная торговля Новгорода, главный источник его богатства. Новгородцы упорно отстаивали берега Невы от шведов, которые с XII века делали постоянные попытки овладеть ими.

1164 год стал поворотным и в отношениях Швеции с Русью. Религиозные разногласия и противостояние давали обоим державам прекрасное оправдание для своих военных притязаний. В том же году шведские войска появились под стенами Ладоги.

Шведское королевство, завоевав Финляндию, вознамерилось превратить Балтийское море в свое внутреннее озеро. Но для этого нужно было захватить Неву.

В 1283 г. шведские суда прошли по Неве в Ладожское озеро, где напали на русских купцов, направлявшихся в Обонежье. По словам Новгородской Первой летописи, «възьедиша немци (шведы) ратью Невую в озеро Ладоское, избиша новгородцев обониских купецъ». В 1300 году, в самый Троицын день, на берега Невы приплыл с войском и с итальянским

архитектором, присланным от самого Папы, шведский маршал Торкель Кнутссон и основал там крепость Ландскрона (Венец края) на месте, где теперь стоит Александро-Невская лавра, а у истока Невы на Ореховом острове разместили передовой дозор. Такое опасное соседство сильно встревожило новгородцев, и не прошло года, как на призыв последних прибыл из Суздаля великий князь и уничтожил шведское поселение. В 1323 году под руководством князя Юрия Даниловича (внука Александра Невского) новгородцы построили на Ореховом острове первое деревоземляное укрепление, чтобы запереть Ладожское озеро от беспокойных соседей. В летописи о том сказано: «В лето 6831 ходиша новгородцы князем Юрьем и поставиша город на устье Невы, на Ореховом острове».

В 1348 году двинулась против Орешка шведская флотилия под предводительством короля Магнуса. Войдя в устье Невы, король остановился на Березовом острове (нынешняя Петербургская сторона) и отправил отсюда гонцов в Новгород о присылке «философов» для препирательства о вере. Судя по всему «препирательства» завершились успешно для Новгорода, поскольку более двухсот лет после того новгородцы владели этой местностью.

Во второй половине XV века Водская пятина вместе с Новгородом отошла к Москве. В XVI успешно начавшаяся для России Ливонская война обернулась катастрофой - Швеция выступила против России в союзе с Литвой и Польшей. Едва удержав крепость Орешек и Неву, Россия потеряла побережье Финского залива. Путь к морю был закрыт: победители поделили Прибалтику, а русским запретили строить на Неве и Нарове морские гавани.

Наступили «Смутные времена», и в 1610 году по просьбе царя Василия Шуйского шведы ввели свои войска в севе-

ро-западные области России. Они заняли крепости Орешек, Ям, Копорье и Новгород в обмен на предоставление военной помощи русским в борьбе с польскими интервентами. Когда в 1611 году Шуйский был низложен, шведы отказались уйти из занятых земель. Обессиленная внутренней смутой, Россия вынуждена была уступить. По Столбовскому договору, заключенному 27 февраля 1617 года, Ингерманландия с четырьмя русскими крепостями: Ивангородом, Ямом, Копорьем и Орешком - перешла во владение Швеции. Известие об этом было принято с великой радостью во всем Шведском королевстве, так как вновь приобретенные земли были не только важны в торговом отношении, но и укрепляли его владычество в Финляндии.

Новгородская крепость Орешек превратилась в Нотебург. Теперь русские купеческие суда уже от истока Невы плыли по шведским владениям. Почти на 100 лет утратила Россия

Карта Ингерманландии конца XVII века с отмеченными крепостью Нотебург и городом Ниен.

эти земли. Шведский король Густав-Адольф писал: «Нева и Нарова могут служить для шведской торговли воротами, которые легко во всякое время запретить для русских. Русские совершенно отрезаны от Балтийского моря, так что они на волны его не могут спустить даже и лодки».

Русским было запрещено ездить через шведские владения и ходить на судах по Балтийскому морю в другие страны. Разрешалось плавать только в земли, принадлежащие Швеции. Из Новгорода и Тихвина, Олонца и Ладоги торговые русские суда плыли в Стокгольм и другие города. Все выгоды от торговли доставались шведам.

В 1616 году знаменитый шведский полководец Яков Делагарди послал своему королю Густаву II Адольфу донесение о необходимости построить шведскую крепость на Неве и заложить город при устье Охты. (В обычных книгах 1586 года об этой местности говорится: «Пустошь Корабельница, верхняя Ахкуя и нижняя Ахкуя», т. е. верхняя и нижняя Охта, по-фински река Охта называлась «Оха-йоки».) Это было осуществлено после утверждения Столбовского мирного договора, и в 1632 году шведы поставили на месте, где находился некогда русский торговый городок Ниен, разграбленный и опустошенный в 1521 году морскими разбойниками, новое укрепление Ниеншанц. Русские называли это место «Канцы». По словам современников, в Ниеншанце было много превосходных пильных заводов, и там строились хорошие и красивые корабли; помимо шведского, финского и немецкого прихода, в нем находилась и православная церковь. От Ниеншанца ходил паром на левый берег Невы, к лежащему здесь русскому селению Спасскому, названному на шведской карте также «Сабиною» и находившемуся там, где теперь Смольный монастырь. (Завоевав устье Невы, Петр нашел здесь уже старые новгородские поселения. Кроме Спасского

с деревнями и нынешняя Петербургская сторона тоже была заселена русскими: здесь было «село на Фомине острове на Неве у моря». Все острова, составляемые протоками Невы при ее устьях, у новгородцев носили название «Фомени», от испорченного финского слова «tamminen» — дубовый.)

Один из современников пишет: «Не один Любек, но и Амстердам стал с Ниеншанцем торги иметь; водяной путь оттуда до Новгорода весьма тому способствовал; словом, помалу и российское купечество в Ниеншанц вошло и привело сие место в такую славу, что в последние годы один тамошний купец, прозванный Фризиус, шведскому королю Карлу XII в начале войны с Петром Великим мог взаймы давать немалые суммы денег, за что после пожалован был дворянством, и вместо прежнего дано ему прозвание Фризенгейм и учинен судьей в Вильманстранде». Шестьдесят лет спустя, благодаря дарованным торговым привилегиям, Ниеншанц и Нарва (к которой был присоединен Ивангород в виде предместья), судя по отчету 1693 года, представляли собою важные промышленные центры. Сельское же население в покоренных русских областях оставалось по-прежнему в самом жалком состоянии, и, за исключением более заселенных мест у рек Ижоры и Славянки, на далеком пространстве можно было встретить только редкие мызы и бедные деревушки из 2-3-х дворов. Шведы довольствуясь небольшим оброком, мало заботились о развитии земледелия в стране по причине ее малонаселенности и бедности болотистой почвы.

В царствование Алексея Михайловича вновь была предпринята попытка вернуть утраченные земли. Удалось даже взять Ниеншанц и нанести поражение шведской эскадре у острова Котлин. Но успехи эти оказались временными. Отвоевать эти земли удалось лишь Петру I в ходе Северной войны.

Ингерманландия. Начало XVIII века.

Северная война началась 19 августа 1700 года, тотчас по заключении перемирия с Турцией. Хотя причины войны против Швеции были выставлены иные, но главным поводом к ней было желание Петра овладеть берегами Балтийского моря. Значительный объем внешней торговли России, и в том числе ее торговли с Англией, является важным доказательством того, что Россия крайне нуждалась в выходе к морям.

Английское правительство уделяло торговле с Россией значительное внимание и постоянно стремилось добиться различных льгот и привилегий своим купцам. Размеры русско-английской торговли в конце XVII в. были в полтора раза выше размеров торговли Англии с Данией и Норвегией. Для Англии страны Балтийского побережья являлись в то время источником снабжения морскими припасами. Чэнс

указывает, что «процветание Великобритании и других морских держав, разбросанных по морям, зависело тогда от продукции Балтийских районов. Корпуса кораблей могли быть построены из британского дуба, но сосны для мачт и рей, пенька для веревок, лен для парусов, смола и деготь для всяких судовых нужд должны были привозиться оттуда, и остановка снабжения означала бы, что военные и торговые суда не могли бы выйти в море».

При этом Англия пыталась удержать Россию от выступления против Швеции, надеясь на союзничество последней в войне против Франции за испанское наследство. Самым верным способом для достижения этой цели было – сорвать переговоры между Россией и Турцией для продолжения русско-турецкой войны. Так же нужно принимать во внимание, что превращение России в морскую торговую державу лишало английское купечество преимуществ в закупке и продаже товаров в России, что было абсолютно невыгодно англичанам. Таким образом сильнейшая в то время Англия пыталась предотвратить начало русско-шведской войны.

Но Турция была крайне истощена и вынуждена пойти на договор с Россией.

Уже 22 августа войска начали выступать из Москвы и Новгорода, чтобы идти на осаду Нарвы. Но скоро стало очевидно, что Петр слишком поторопился с объявлением войны и слишком понадеялся на свои силы. Прежние стрельцы

Осада Нарвы.

были большею частью уничтожены и разосланы по городам, из обученного войска в распоряжении царя был только один Лефортовский полк и два гвардейских (прежние «потешные»). Все же остальные полки были совершенно неопытны в военном деле. Только в 1699 году был произведен первый рекрутский набор для составления регулярной армии. Из 32000 поступивших тогда рекрутов составлено было 27 пехотных и два драгунских полка. Конное ополчение было не лучше и состояло из дворян Московской, Новгородской и Смоленской губерний. Артиллерия была в самом жалком состоянии, и скоро обнаружился недостаток в порохе и снарядах. Вдобавок осада была начата осенью, и «за поздним временем», как выразился впоследствии сам Петр о Нарвском походе — «великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно. Единым словом сказать можно: все-то дело яко младенческое играние было, а искусства ниже вида».

Но это «младенческое играние» дорого обошлось русской армии, которая была разбита наголову Карлом XII. Множе-

ство генералов и офицеров попало в плен, и русские полки, обезоруженные и ограбленные неприятелем, потянулись вразброд к Новгороду.

Алексей Толстой писал: «В версте от русского лагеря, на мызе, Карл и генералы приняли Бутурлина. Шведы, так же как и русские, боялись завтрашнего дня. Поломавшись для чести, согласились пропустить на ту сторону Наровы все русское войско при оружии и со знаменами, но без пушек и обозов. В залог потребовали доставить на мызу всех русских генералов и офицеров, а войско пусть идет с богом домой... Бутурлин попытался было спорить. Карл сказал ему с усмешкой:

— Из любви к брату, царю Петру, спасаю его славных генералов от солдатской ярости. В Нарве вам будет спокойнее и сытнее, чем при войске.

Пришлось согласиться на все. Взвод кирасир поскакал брать заложников. Шведские саперы, запалив на берегу костры, начали наводить мост, чтобы как можно скорее спровадить русских за реку. Первыми покинули лагерь семеновцы и преображенцы, — со знаменами и оружием, под барабанный бой перешли мосты; солдаты все были рослые, усатые, угрюмые. На плечах несли раненых. Когда стала проходить дивизия Вейде, шведские кирасиры угрожающе придвинулись, потребовали сдать оружие. Солдаты, матерясь, бросали мушкеты. Остальные полки прогнали уже просто — выстрелами...

На рассвете остатки сорокапятитысячной русской армии — разутые, голодные, без командиров, без строя — двинулись обратной дорогой. Вслед им бастионы крепости Иван-города послали несколько бомб...»

(Толстой А. Петр I. Собр.соч. т.7. — М. Художественная литература., 1959. с. 615).

Фузелеры пехотных полков. 1700-1720 гг.

Весть о Нарвской битве поразила Россию. Народ считал ее Божьим наказанием за нововведения Петра. Но он не потерял присутствия духа, а принял все меры к восстановлению и усилению армии. Были сформированы новые полки, а разбитые приведены в порядок, объявлен новый рекрутский набор, отлито 243 новых медных орудия. Между тем Карл XII, уверенный, что силы русских сокрушены окончательно, обратил свое оружие против польского короля Августа II, а для защиты своих областей со стороны России оставил всего 15 000 войска.

В это время русский фельдмаршал Шереметев уже стоял под Псковом с 30-тысячным войском, а другие 10 000 были наготове в Новгороде под началом Апраксина. Однако, несмотря на такой перевес сил, Шереметев, напуганный Нарвской битвой, долго не решался напасть на шведов. Только после настоятельных повелений царя стал посылать против них отряды. Шведы платили тем же, и взаимные набеги продолжались все лето 1701 года. Наконец, осенью Шереметев решился напасть на главные силы шведов, под командованием Шлиппенбаха, и разбил их. В следующем 1702 году русские войска уничтожили флотилии неприятеля на Чудском и Ладожском озерах, а Шереметев вторично одержал победу над войсками Шлиппенбаха. Вся пехота шведов была уничтожена, и Шереметев доносил царю: «посылал я во все стороны пленить и жечь; не осталось целого ничего, все разорено и пожжено...»

В то же время Апраксин одержал значимую победу на Ижоре. Известия об этих успехах застали Петра на Белом море. Он увидел возможность теперь идти дальше и двинуться к заветной цели – овладению берегами Финского залива. Но, не доверяя еще своим силам и искусству своей армии, Петр решил начать военные действия не с Нарвы, а

Нотебург.

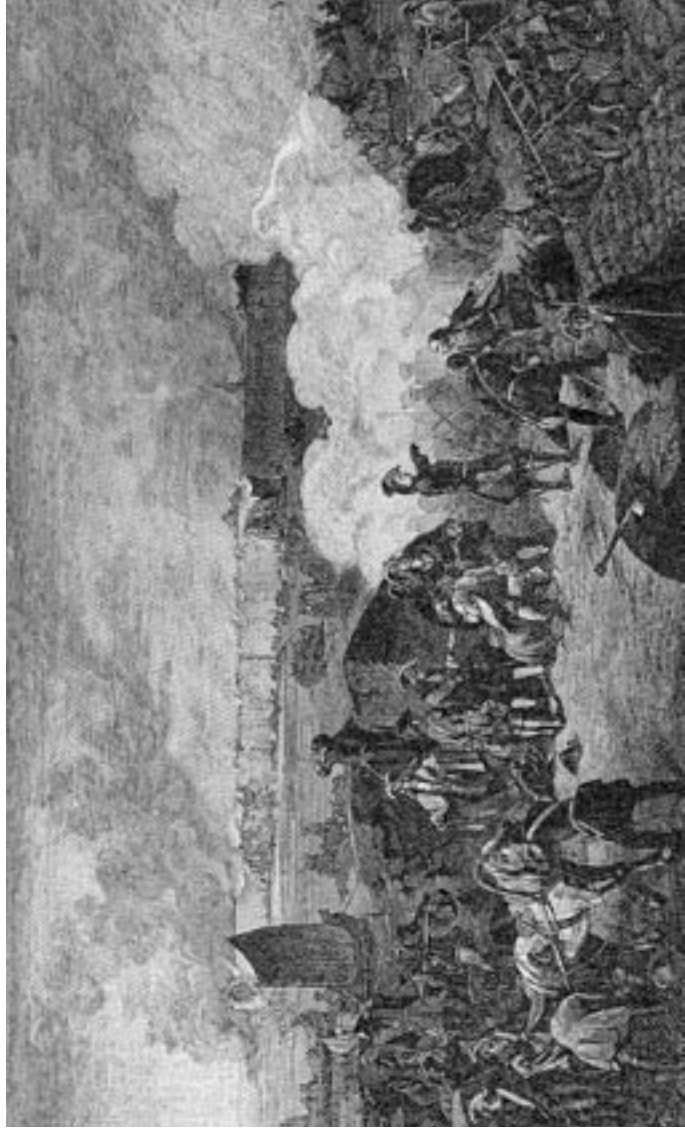
с пункта более удаленного. Задуманный им главный удар направлен был против небольшой шведской крепости Нотебурга, бывшего Орешка, за 90 лет перед тем перешедшего к шведам и ими перестроенного. Крепость защищал гарнизон из 500 - 600 человек, но она была снабжена сильной артиллерией, насчитывавшей до 140 орудий. Важное значение Нотебурга понятно: он служил опорой шведским силам на Ладожском озере и вместе с тем прикрывал вход в Неву, на которую Петр смотрел как на ближайший путь к морю.

В конце сентября 1702 года Нотебург был обложен со всех сторон, наши отряды расположились на обоих берегах Невы и на отмелях, поставив там пушечные и мортирные батареи. После отказа коменданта Шлиппенбаха сдать крепость без боя, начата была канонада. Орудия действовали так усердно, что жерла раскалялись. На третий день жена коменданта прислала барабанищика с письмом к русскому фельдмаршалу от своего имени и от имени офицерских жен, с просьбою дозволить им выйти из крепости, «где невозможно быть от великаго огня и дыма». Это письмо принял сам Петр, находившийся в это время на батареях в

чине капитан-бомбардира. Он отвечал письменно, что «к фельдмаршалу не едет, быв уверен, что он не согласится опечалить шведских дам разлукою с мужьями; если же изволят оставить крепость, взяли бы с собою и любезных супругов». Ответ этот не понравился осажденным, и вслед за возвращением посланного, с крепости открыли сильный огонь по русским батареям, который продолжался до вечера. Всего за несколько дней осады выпущено было более 10 тысяч ядер и бомб. В стенах крепости образовались провалы. В воскресенье 11 октября нетерпеливый Петр на рассвете подал знак к штурму. Бой произошел жестокий. Шведы оказали отчаянное сопротивление; русские настойчиво ломились вперед, неся страшные потери. Была минута, когда наступающие дрогнули, и сам Петр усомнился в успехе и приказал отступать. Но отважный князь Голицын, командовавший семеновцами, не послушался приказа и, прихватив также часть преображенцев, бросился на провалы. Снова завязался отчаянный бой. Шведы осыпали рус-

Взятие Нотебурга.

Взятие Нотебурга.
Гравюра из книги М.Пыляева "Забывтое прошлое окрестностей Санкт-Петербурга"

ских картечью и ручными гранатами. Князь Голицын, лично предводительствуя гвардейцами, взбежал наконец на стену крепости со знаменем в руках. Нотебург сдался.

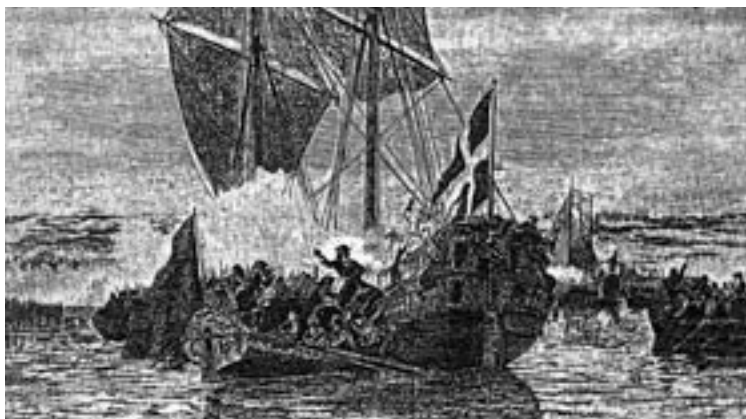
Потери русских были несоразмерно велики: из строя выбыли убитыми и ранеными до полутора тысяч человек. Петр по этому поводу писал: "Правда, что зело жесток сей орех был, однакож, слава Богу, счастливо разгрызен". Он торжествовал, сознавая значение древнего русского Орешка, и назвал его Шлиссельбургом, то есть Ключ-городом.

Взятием Нотебурга закончились военные действия 1702 года. Следующему году выпала не менее важная задача — овладеть Невским устьем, т. е. местностью нынешнего Петербурга.

Утром 27 апреля 1703 года Шереметев со значительными силами подступил к Ниеншанцу и приказал ставить батареи. Крепость с шестью бастиянами защищали 800 человек гарнизона, на взморье плавали шведские военные суда.

30 апреля русская артиллерия начала громить крепость. Огонь продолжался до следующего утра. Шведы не стали ждать приступа и вступили в переговоры. Им позволили уйти в Выборг. Пре-ображенцы торжественно вступили в сдавшийся город, названный Петром Шлотбургом.

Между тем шведская эскадра, не зная о сдаче Ниеншанца, спешила к нему на помощь, и 5 мая показалась в устье Невы. Кроме шлюпок, тут были два корабля с 24 пушками на обоих. Петр, располагавший только невооруженными лодками, решился атаковать неприятельскую флотилию. Посадив отряды пехоты на мелкие суденышки, он ночью подплыл к шведам из-за Гутуевского острова, и под жестоким огнем со всей эскадры, бросился на два ближайших корабля. С топором и ручной гранатой в руках, он впереди своего отряда первый взшел на борт 14-пушечного судна. Началась

Первое морское сражение в устье Невы. 1703 год.
С гравюры конца XVIII века.

кровавая рукопашная схватка. Так как шведы, по словам Петра, "пардон зело поздно закричали", то русские почти всех их перекололи. Из 80 человек команды на обоих кораблях осталось в живых только 13 человек. Из двух командиров один был убит, а другой, раненый, взят в плен и впоследствии перешел в русскую службу.

Велика была радость Петра по поводу этой первой морской победы. Он торжественно отпраздновал ее в лагере на Большой Охте, наблюдая стоящие на Неве, с бою взятые шведские суда, и не отклонил пожалованной ему генерал-адмиралом Головиным награды — ордена святого Андрея Первозванного. Такой же награды удостоился и царский любимец Меншиков, лично участвовавший в деле. Остальным были розданы медали с надписью, выражавшей взгляд Петра на одержанную победу: "Небываемое бывает".

Таким образом, местность, занятая ныне Петербургом, была в руках Петра. Обезопасить только что приобретенный

Начало Санкт-Петербурга.
С гравюры XVIII века.

водный путь было необходимо, поскольку в Выборге стояли значительные шведские силы, а по Финскому заливу разгуливала шведская эскадра.

Был собран «воинский совет», на котором обсуждался вопрос: следует ли снова укрепить Ниеншанц или выбрать для русской крепости иное место? Укрепления Ниеншанца были не особо сильны и плохо защищены природой, поэтому совет решил скрыть Ниеншанц и построить крепость на новом месте. Согласно с этим решением «капитан бомбандирской изволил осматривать близ к морю удобное место для здания новой фортеции и изволил обыскать единый остров (Jänis saari — «Заячий»), зело удобный положением места, на котором вскоре фортецию заложили и нарекли имя оной Санкт-Петербург».

Государь сам положил первый камень постройки 16 мая 1703 года, в День Св. Троицы. По преданию Петр I, осматривая остров, взял у солдата багинет, вырезал два дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу», затем, взяв заступ, первый начал копать ров. Когда ров был

выкопан около двух аршин, в него поставили ящик, высеченный из камня. Представители церкви этот ящик окропили святой водой, а государь поставил в него золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного. После того царь покрыл ящик каменной доской, на которой была вырезана следующая надпись: «От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16, основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским». Затем государь приступил к обложению другого раската. Одна любопытная старинная рукопись передает такую подробность. Когда Петр взялся за заступ, с высоты спустился орел и парил над островом. Царь, отойдя в сторону, срубил две тонкие березки и, соединив их верхушки, поставил стволы в выкопанные ямы. Таким образом эти две березки должны были обозначать место для ворот будущей крепости. Орел опустился и сел на березки; его сняли оттуда, и Петр, обрадованный счастливым предзнаменованием, перевязал орлу ноги платком и посадил его к себе на руку (по другой версии - ефрейтор Одинцов снял его выстрелом из ружья). Петр сел

Закладка Санкт-Петербурга.

на яхту с орлом в руке, отплыл к Канцам; в этот день все чины были «пожалованы столом», веселье продолжалось до двух часов ночи при пушечной пальбе.

(Правда, та же рукопись поясняет, что орел этот давно уже жил на острове. Его нашли там шведские солдаты, сторожившие королевские леса, и сделали ручным. Впоследствии он содержался в крепости, и на продовольствие его назначено было жалованье.)

Так как созванные со всего государства рабочие прибывали крайне медленно, небольшими партиями, и собрались только к осени, первыми строителями первоначальной шестибастийной земляной крепости, величаемой «Санкт-Петербургом», стали гвардия, русские полки, оставленные при царе, пленные шведы и наскоро собранные каменщики и плотники из ближайших мест.

«Для одного строения,— как говорит в своем журнале Гизен,— для поспешения в работе по больверкам надсматривали знатные особы: на первом, для примера других, сам Петр своею высокою особою, на втором — генерал-губернатор А. Д. Меншиков, на третьем — обер-камергер Головин, на

А.Д.Меншиков

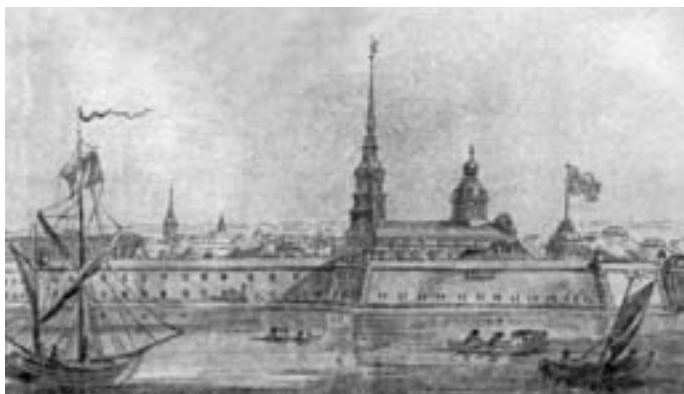
четвертом — Никита Зотов, на пятом — князь Трубецкой, на шестом — Кир. Ал. Нарышкин». Очертания Заячьего острова определили форму крепости — неправильный шестиугольник, вытянутый между Невой и проливом, с шестью боевыми бастиями и шестью стенами, соединяющими бастии (куртинами). Работа закипела при таком

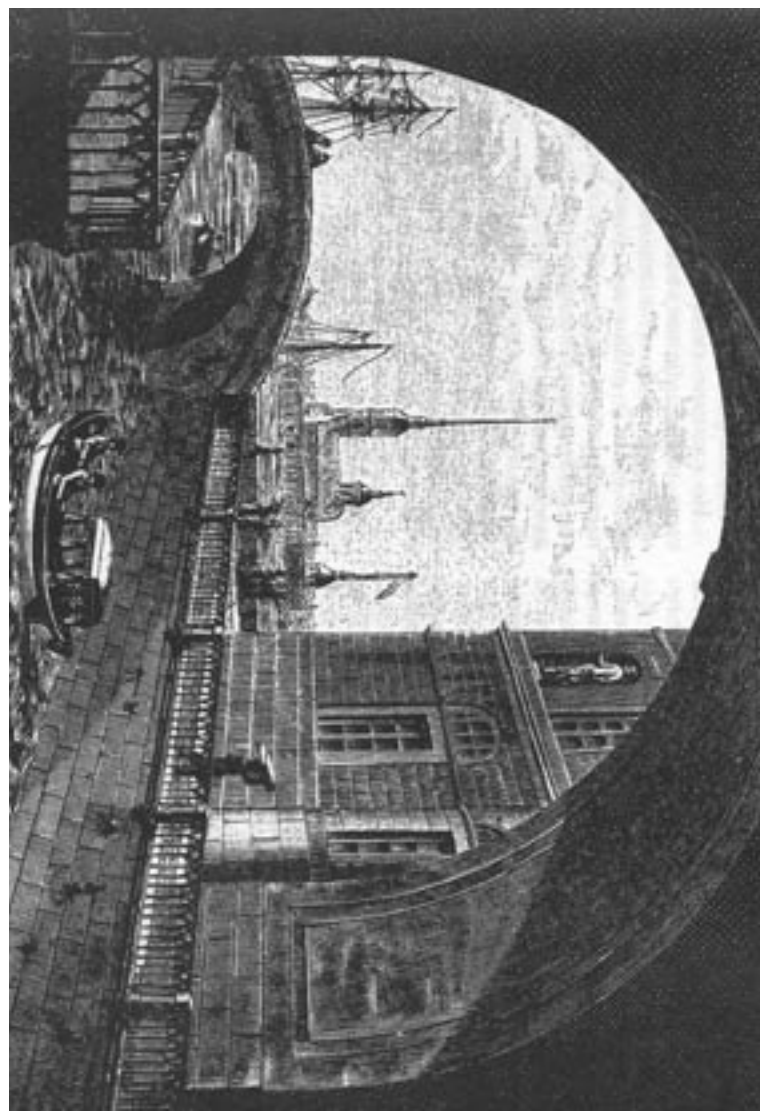
надзоре, и уже 29 июня, в день Петра и Павла, Меншиков угощал Государя и его приближенных в новых казармах, строившихся в его больверке.

В крепости была выстроена деревянная церковь, небольшая, но, по словам иностранцев, довольно красивая и окрашенная желтой краскою под мрамор, которая была освящена 1 апреля 1704 года митрополитом новгородским Иовом во имя Св. Петра и Павла. На высокой остроконечной колокольне висело несколько колоколов, и нарочно приставленный мастер «вызванивал на них музыкальную пиесу», а потом ударял в колокол по числу часов. Рядом с церковью находилась лютеранская кирха Св. Анны.

Посередине крепости, вдоль острова, был прорыт канал. По сторонам его находились небольшие одноэтажные дома коменданта и плац-майора, цейхгауз (или арсенал), провиантские магазины, дома гарнизонных офицеров, гарнизонная канцелярия, дома священника и церковнослужителей и казенная аптека. В мазанковом здании с 1711 года помещался переведенный из Москвы сенат.

При гауптвахте была площадь, которая называлась плясовой: здесь стояла деревянная лошадь с острой спиной, и

был вкопан столб с цепью, около которого втыкались острые спицы. Провинившихся солдат или сажали на лошадь, или, замкнув руки в цепь, заставляли стоять на спицах.

На Государевом бастионе в будни развевался крепостной флаг, а в праздники и торжественные дни — желтое знамя, с изображением двуглавого орла, держащего в клюве и когтях четыре моря: Белое, Черное, Каспийское и Балтийское. Поднятие и спуск флага в будни служили сигналом к началу и прекращению городских работ и сопровождалось пушечным выстрелом из крепости, который кроме того производился в 11 часов утра, перед обеденным временем. Ворота между Государевым и Меншиковым бастионами выходили на длинный подъемный мост и соединяли крепость с Фоминым островом.

Уже через три года после закладки первый архитектор Санкт-Петербурга Доменико Трезини приступил к пере-

Собор Св. Петра и Павла
в Петропавловской крепости.

стройке деревянной Петропавловской крепости в каменную. В строительстве бастионов принимал участие военный инженер, впоследствии известный военачальник и видный государственный деятель Б. К. Миних.

Работы в крепости не прекращались на протяжении всего XVIII века. Высота ее бастионов достигала 12 метров, ширина доходила до 20 метров. В царствование Екатерины II куртины и бастионы, обращенные к Неве, были облицованы

крупными блоками серого гранита. Так возник «Невский фасад», украшенный по проекту архитектора Николая Александровича Львова «Невскими воротами». Также в куртинах были устроены Петровские, Васильевские, Никольские и Кронверкские ворота.

На восточном и западном концах острова были построены дополнительные сооружения — рavelины, прикрывавшие крепостные входы. Они были названы в честь русских царей — Алексеевским и Иоанновским. Между рavelинами и крепостью были прорыты широкие рвы, зарытые в конце XIX века.

За всю свою историю Петропавловская крепость не сделала ни одного боевого выстрела. Во флангах крепости были сделаны крепкие казематы со сводами. Некоторые из них первоначально нанимали купцы, которые хранили там вино и другие товары, но с февраля 1718 года крепостные казематы стали наполняться политическими преступниками, замешанными в деле царевича Алексея. 25 мая привезена в крепость царица Мария Алексеевна, тетка царевича. А 14 июня и он сам переведен в Трубецкой раскат, где 26 июня вечером скончался.

С этого времени Петропавловская крепость начинает свою историю как тюрьма. По легенде именно здесь погибла во время наводнения «самозванка» — княжна Тараканова - и была похоронена на территории крепости. Здесь содержались декабристы после восстания на Сенной, а потом и многие другие политические заключенные. За время существования в качестве тюрьмы в Трубецком бастионе томилось свыше 1500 узников, находившихся под следствием. Режим здесь отличался суровостью — все камеры были одиночными, «постояльцы» были полностью изолированы от внешнего мира.

Сейчас даже сложно представить себе те трудности, с которыми столкнулись первые рабочие при возведении земляной крепости на низменном, болотистом острове, который при малейшем юго-западном ветре заливался водой. Нужно было натаскать земли, поднять грунт и осушить его, прорыв каналы. Вдобавок непривычные землекопы, большей частью не имея ни лопат, ни заступов, ни тачек, должны были подчас работать голыми руками, носить землю на себе в рогожах, мешках или даже в полах платья. К этому присоединялась ощутимая нехватка продовольствия, когда подвоз замедлялся бурями на Ладожском озере. Рабочие едва не умирали с голода, потому что достать что-либо в пустынном крае, покрытом лесами и болотами, было практически невозможно. В первое время рабочие жили в шалашах на соседнем острове Койву-саари (Березовый остров, нынешняя Петербургская сторона) и спали на голой земле. Из-за недо-

Домик Петра I. С гравюры Аткинсона (нач. XIX века).

статка плотников и каменщиков даже большинство высокопоставленных служащих жило тогда в палатках. Только для канцелярии и высших сановников были наскоро построены мазанковые низкие здания с оконницами и дверями, добытыми из жилищ прежнего города Ниеншанца и с заброшенных мыз. Для царя на Березовом острове был устроен небольшой дом с двумя комнатами и кухней, разделенными узкими сенями, на крыше была укреплена декоративная деревянная мортيرا с ядрами по сторонам. Недалеко от домика Петра находился довольно большой деревянный дом Меншикова, где давались праздничные обеды и банкеты.

Между тем безопасность Петербурга была под угрозой со стороны шведов, которые стремились вернуть себе утраченное. Поэтому часть войска была постоянно под ружьем для защиты строившейся крепости.

В начале июля Петр узнал, что к реке Сестре подошел шведский генерал Крониорт. Взяв четыре драгунских полка и два пехотных, Петр быстро двинулся против него и 7 июля нанес ему жестокое поражение. Крониорт ушел в Финляндию, отказавшись помешать русским строить Петербург.

Успокоенный с этой стороны, Петр уехал на Свирь, поропить с постройкой судов. В октябре он уже вывел оттуда в Неву целую флотилию, среди которой был даже большой фрегат. Теперь он мог осмотреть Финский залив, не опасаясь шведской эскадры. На шлюпке, среди плавающих льдин, он собственноручно измерил лотом глубину. Убедившись, что море к северу, со стороны Финляндии, непроходимо для кораблей по камням и мелям, а на юге фарватер свободен, царь решил построить здесь крепость для защиты Петербурга со стороны моря. Наиболее удобным для этого местом оказался пустынный остров Котлин, или Рету-саари, лежащий при самом входе в Финский залив, в 25 верстах от Петербурга.

Кронштадт. Вид с птичьего полета. Старинная гравюра.

В ту же зиму Петр прислал Меншикову из Воронежа собственноручно сделанную модель Котлинской крепости, с приказом немедленно приняться за ее постройку, несмотря на зимнее время. Меншиков повиновался. Уже 4 мая новая крепость была освящена в присутствии Петра и названа Кроншлотом.

Особенную радость доставил Петру приход в Петербург первого иностранного купеческого корабля. Это случилось в ноябре 1703 года. Голландское судно, с вином и солью, направлялось в Нарву. Этот город в то время был осажден русскими войсками. Поэтому предприимчивый шкипер решил идти в Петербург и там продать груз. (По другим сведениям, судно принадлежало саардамским купцам, лично знавшим Петра и поспешившим завязать отношения с первым русским портом.) Сохранилось предание, будто Петр, под видом лоцмана, сам ввел судно в Неву, а потом принимал и угощал обедом шкипера. «Прием» проходил в домике Петра, и шкипер был уверен, что находится в гостях у простого кормчего. Поэтому вел себя по-простому, не стесняясь,

и преподнес Екатерине сыр и кусок полотна «на рубашки». На что Петр заметил: «Ну, Катя, ты теперь будешь нарядна и горда, как императрица! Какая ты счастливая! Тебе бы век не видать таких рубашек!» Шкипер тогда попросил поцеловать его за подарок. В этот момент, как рассказывает Штелин, к царю вошел, весь в орденах, Меншиков и начал что-то докладывать. Шкипер очень смутился, но Петр, не желая прерывать шутку, объяснил шкиперу, что, дескать, в Петербурге это самое обычное дело. Что господа со звездами и лентами нередко являются с любезностями ко всякому, у кого есть деньги, в надежде занять денег. Купец поверил и, только когда явился капитан с рапортом о смене, понял, что его разыграли. Он упал в ноги царю, который не только купил у него все товары, но и щедро наградил.

Предание это, очевидно, вымышленное. Самого Петра в то время не было в Петербурге, но Меншиков, хорошо знавший его желания и цели, принял первого торгового гостя из-за моря с необыкновенной щедростью. Весь товар был тотчас куплен за счет казны, шкиперу подарено было 500 золотых, а матросам по 15 русских рублей каждому.

*Шведы не оставляли надежды отбить русских от не-
вского берега. Попытки оттеснить российские войска де-
лались и с суши, и с моря. В мае 1704 года шведский вице-
адмирал Денру подошел к острову Котлин со значительной
эскадрой. Там уже стояла флотилия русских, приведенная
с Сяси и Свири вице-адмиралом Крюйсом. Денру выжидал
в течение месяца, надеясь, что русские нападут на него со
своими сравнительно слабыми силами. Но, не дождавшись,
решился сам произвести высадку на остров и разрушить
возведенное там укрепление. Крюйс же решил пойти на хи-
трость: поставив два пехотных полка позади батарей, он
запретил им отвечать на выстрелы. Шведская канонада не*

причиняла почти никакого вреда, но Денру, не слыша ответа русских орудий и предполагая, что кронишотские батареи уничтожены, направил туда десант на шлюпках. Из-за мелководья шлюпки не смогли подойти близко, поэтому шведы высадились и пошли вброд. Тут они были неожиданно встречены ружейным и пушечным огнем притаившегося отряда. В рядах шведов произошло смятение. Часть их бросилась назад к своим шлюпкам, но другие храбро шли вперед и были все захвачены в плен русской пехотой. Неприятельские суда также значительно пострадали. Неудача так расстроила шведов, что эскадра их простояла все лето за Котлином в полном бездействии.

Не преуспели шведы и на суше. Крониорта сменил более предприимчивый барон Мейдель, но и ему не удалось подступить к Петербургу внезапно. Русские генералы к тому времени уже научились управляться с кавалерией, которая в июле 1704 года и обнаружила присутствие шведов. Ускакав без потерь от четверо сильнейшего неприятеля, конница донесла петербургскому коменданту Брюсу о готовящемся нападении. Быстро были приняты меры обороны. На Аптекарском острове за одну ночь возведены были батареи, а Невку перегородили фрегатом.

Мейдель высадился на Каменном острове, но, встреченный огнем с наших батарей и фрегата, отступил и скрылся. В начале августа он снова попытался подойти к Петербургу со стороны Большой Охты, засел в разрушенных укреплениях Ниенишанца и стал готовиться к переправе через Неву.

Оттуда он прислал Брюсу высокомерное письмо, в котором предлагал сдать ему Петербург и удалиться с берегов Невы. Брюс ответил трехдневной канонадой, после чего шведы, понеся значительные потери и не надеясь больше на

помощь своей эскадры, ушли к Кексгольму, уничтожив всё заготовленное для переправы.

Лето 1704 года было особенно счастливо для Петра. Пали Дерпт и Нарва. Войска Шлиппенбаха были рассеяны, вся Ингерманландия покорена. Эстляндия и Лифляндия очищены от неприятеля. Доступ к морю был открыт, и шесть крепостей: Нарва, Дерпт, Ямбург, Кроншлот, Петербург и Шлиссельбург - обеспечивали безопасность покоренных провинций.

Неудачи раздражали шведов, и они замыслили повести в следующем году более решительные действия. Перед Котлином появился адмирал Анкерштерн с большой эскадрой, в составе которой было 8 линейных кораблей и 6 фрегатов.

Ввод в Неву плененных шведских кораблей.
С гравюры А.Ф.Зубова, 1720 год.

Армия Мейделя усилена была до 10 тысяч человек. Решили действовать одновременно с моря и с суши.

4 июня 1705 года шведская эскадра рано утром построилась против батарей русских и открыла огонь из всех орудий. К полудню пальба затихла, и на шлюпки спущен был десант в 2 тысячи человек. Атака была отбита. На следующий день нападение повторилось, и опять без успеха. В воскресенье 10 июня в третий раз, после жестокой пальбы с эскадры, шведы попытались высадиться, и снова были отбиты с большими потерями. Часть эскадры пробовала в то же время пробраться северным фарватером, но галеры русских нанесли вражеским судам столько пробоин, что те поторопились удалиться. Только 14 июля Анкерштерн появился снова и в последний раз произвел решительное нападение, подготовленное бомбардировкой. Но русские отразили врагов. Между тем Мейдель, после неудачного нападения на Каменный остров, дошел лесами до реки Тосны и переправился на левый берег Невы. Здесь его настигли русские отряды, вступили в бой и вынудили переправиться обратно за Неву. Испытав еще одну неудачу у реки Черной, где горсть русских три раза отбивала отчаянные атаки шведов, Мейдель отступил к Выборгу.

Анкерштерн со своей сильной эскадрой простоял в бездействии до октября и наконец удалился.

Пока Петербург оборонялся от наступавших с моря и с суши врагов, русские войска овладевали окрестной страной. А шведы не прекращали попыток оттеснить русских от взморья. Положение Петра стало тем затруднительнее, что его союзник Август II изменил договору и удалился в Саксонию. Шведский король в январе 1705 года неожиданно напал на Гродно, где стояла русская вспомогательная армия. Это заставило Петра поспешить в Литву. В марте русскими там была одержана решительная победа, и царь, торжествуя,

прибыл в Петербург, вместе с будущей императрицей Екатериной, которая уже сопровождала его во всех походах.

Тогда Петербург впервые стал местом празднеств и веселья. Петр, шутя, назвал его своим "парадизом" и говорил, что ведет тут "райское житье". К царю съехались его сподвижники, русские и иноземные, едва зарождающийся городок принял вид резиденции. Благодарственный молебен сопровождался стрельбой из крепости и с кораблей. В доме Меншикова дан был большой парадный обед с тостами. Торжественным пиром отпразднована была также закладка первого судна в новом Адмиралтействе, наскоро возведенном на левом берегу Невы.

4 ноября Петр в Петербурге получил письмо Меншикова, сообщавшее о блестящей победе, одержанной им над шведским генералом Мардефельдом под Калишем. "Не в похвалу доношу, — писал царю Меншиков, — такая сия прежде небывалая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле мертвыми телами устлано". Царь решил отпраздновать радостное известие со всей торжественностью: после молебствия три раза палили из пушек, и затем в доме Меншикова дан был трехдневный пир. 23 ноября, в день именин Меншикова, возведенного за калишскую победу в княжеское достоинство, Петербург в первый раз увидел фейерверк и иллюминацию. На четырех улицах, выходивших к крепости, расставлены были транспаранты с соответствующими изображениями и надписями.

Фейерверки вскоре станут одним из любимейших развлечений в Петербурге. Празднества почти всегда сопровождались ими. Вот как Мережковский описывает один из таких фейерверков: «...В это самое мгновение Петр собственноручно зажег и пустил вместо первой ракеты фей-

“Подзорный дворец”, построенный Петром I при устье Фонтанки для наблюдения за входящими в Неву кораблями. С очень редкой гравюры Штелина, 1762 год.

ерверка летучую машину в виде Купидона с горящим факелом. Скользя по невидимой проволоке, Купидон полетел от галереи к парому на Неве, где стояли щиты «для огненной потехи по плану фитильному», и факелом своим зажег первую аллегория — жертвенник из бриллиантовых огней с двумя пылающими рубиновыми сердцами. На одном из них изумрудным огнем выведено было латинское Р, на другом — С: Petrus, Catharina. Сердца слились в одно, и появилась надпись: Из двух едино сочиняю. Это означало, что богиня Венус и Купидо благословляют брачный союз Петра с Екатериною.

Появилась другая фигура — прозрачная, светящаяся картина-транспарант с двумя изображениями: на одной стороне — бог Нептун смотрит на только что построенную среди моря крепость Кроншлот — с надписью: Videt et stupescit. Видит и удивляется. На другой — Петербург, новый

город среди болот и лесов — с надписью: *Urbs ubi silva fuit*. Град, где был лес.

Петр, большой любитель фейерверков, всегда сам управлявший всем, объяснял аллегии зрителям.

С грохочущим свистом, снопами огненных колосьев, взвились под самое небо бесчисленные ракеты и в темной вышине рассыпались дождем медленно падавших, таявших, красных, голубых, зеленых, фиолетовых звезд. Нева отразила их и удвоила в своем черном зеркале. Завертелись огненные колеса, забили огненные фонтаны, зашипели, запрыгали швермеры; и водяные, и воздушные шары, лопааясь как бомбы, затрещали оглушительным треском. Открылись пламенные чертоги с горящими столбами, сводами, лестницами — и в ослепительной, как солнце, глубине вспыхнула последняя картина: ваятель, похожий на титана Прометея — перед недоконченную статуей, которую высекает он резцом и молотом из мраморной глыбы;верху Всевидящее Око в лучах с надписью *Deo adjuvante*. — С помощью Божией. Каменная глыба означала древнюю Русь; статуя, недоконченная, но уже похожая на богиню Венус — новую Россию; ваятель был Петр». (Мережковский Д.С. *Антихрист (Петр и Алексей)*. Собр.соч. т.2. — М. «Правда», 1990. с.340-341)

Нерадостно начался 1708 год. Война со шведами принимала решительный оборот. Союзник Петра, король Август II, отпал от него и примирился с Карлом XII. В июне от Меншикова пришло известие о вторжении Карла XII в Украину.

Опасность угрожала и Петербургу. Шведский король приказал открыть решительные действия одновременно на юге и на севере. В августе выступила из Выборга 13-тысячная армия генерала Либекера, и в то же время против острова Котлин собрался шведский флот. У реки Тосны Либекер стал готовить переправу.

Генерал-адмирал Апраксин, заведовавший обороной Петербурга, пытался помешать переправе, но шведы, прикрываясь огнем артиллерии, успели перевезти на понтонных плотках 500 человек, которые тотчас окопались на левом берегу. Дальнейшая переправа совершилась беспрепятственно, и 30 августа вся шведская армия была уже на нашей стороне Невы. Апраксин, успевший стянуть свои силы, двинулся следом за ней, непрерывно ее тревожа, и наконец у Сойкиной мызы окружил ее и отрезал все сообщения. Либекер возвел земляное укрепление и окопался, выжидая помощи с моря. Но флот бездействовал, а Апраксин 16 октября двинул войска на штурм, взял окопы, перебил третью часть шведской армии, а 3 тысячи человек взял в плен. Поражение Либекера было полное, и грозившая Петербургу серьезная опасность счастливо миновала.

Решительный поворот в военных действиях настал в 1709 году, ознаменованном блестящей победой над шведами под Полтавой.

В то время Петербург не планировался ни как столица, ни как резиденция. В нем видели только будущий морской и торговый порт. Поздравляя Петра со взятием Ниеншанца, один из состоявших в русской службе иностранцев сказал, что этим городом „отверзошася пространная порта бесчисленных вам прибытков". Не таким, однако, был даже первоначальный взгляд самого Петра на значение нового города. Он ценил и городок, и всю прилегающую к Неве область необычайно высоко. Когда впоследствии шли переговоры с Турцией о мире, Петр, предвидя, что турки будут хлопотать за шведов, согласился пойти на уступку в Лифляндии, но только не в Ингрии. В крайнем же случае готов был отдать шведам даже Псков, но не Петербург. Шведский король Карл XII судил иначе. По свидетельству Голикова,

узнав о заложении Петербурга, он выразился так: "Пусть царь занимается пустой работой — строить города, а мы оставим себе славу брать оные".

Со строительными работами в Петербурге спешили. Со всей России собрали сюда более двадцати тысяч людей для земляных, плотницких и каменных работ. Земства, снаряжая этих людей, обязаны были отпускать для них продовольствие на все время работ.

В.Г. Авсеенко в своем историческом очерке «200 лет Санкт-Петербурга», вышедшем в 1903 году пишет: «В русском обществе, которое в большинстве своем мало сочувствовало нововведениям Петра, создалось предание, будто положение рабочих, строивших Петербург, было очень тяжелое, будто они гибли от болезней и плохого содержания, и прочее. Рассказы эти, однако, ничем не подтверждаются. Рабочие созывались двухмесячными сменами и по окончании срока тотчас распускались. В случае недостатка припасов, из казенных складов хлеб и все нужное отпускалось

заимообразно. Работы продолжались от Благовещения до последних чисел сентября, и на зимние месяцы никто из очередных не удерживался. Непривычные к климату подвергались преимущественно желудочным заболеваниям; против этого недуга аптекарь Левкенс изобрел настойку из сосновых шишек».

Наверное, к торжественной дате казалось неудобным упоминать о «неприятных» моментах в истории Петербурга, поскольку в очерке Н. Белозерской «История основания Петербурга», изданном в 1881 году, читаем: «Такая масса работ была возможна благодаря огромному количеству рабочего люда, который в это время по воле царя нахлынул в Петербург со всех концов России. Однако наплыв рабочих, освободивших войско от непривычного дела и благоприятный для планов Петра, не уменьшил, а усилил бедствия этих невольных пионеров дикого края. Недостаток в съестных припасах сделался еще ощутительнее, рабочие, как в Петербурге, так и на Котлине, жили в шалашах, несмотря на сильные ветры и морозы, и спали на мерзлой земле. «Их новыя нагольные шубы в одну зиму обратились не только в ветхия, но положительно — в клочки; от них отгнивали и отваливались целыя полы; почти все овчины носили на себе следы крови»... Народ умирал в таком множестве, что явилось убеждение, что в Петербурге чума, между тем как люди прямо гибли от непосильных работ, холода, сырости, недостатка пищи и дизентерии. Хотя в это время в Петербурге было три врача немца и существовала аптека, но она приносила мало пользы, так как запас лекарств преимущественно состоял из хрена и патоки.

Народ по обыкновению искал спасения в вине, судя по тому, что, несмотря на скудное жалованье, получаемое войском и рабочими (последние получали по полтине на чело-

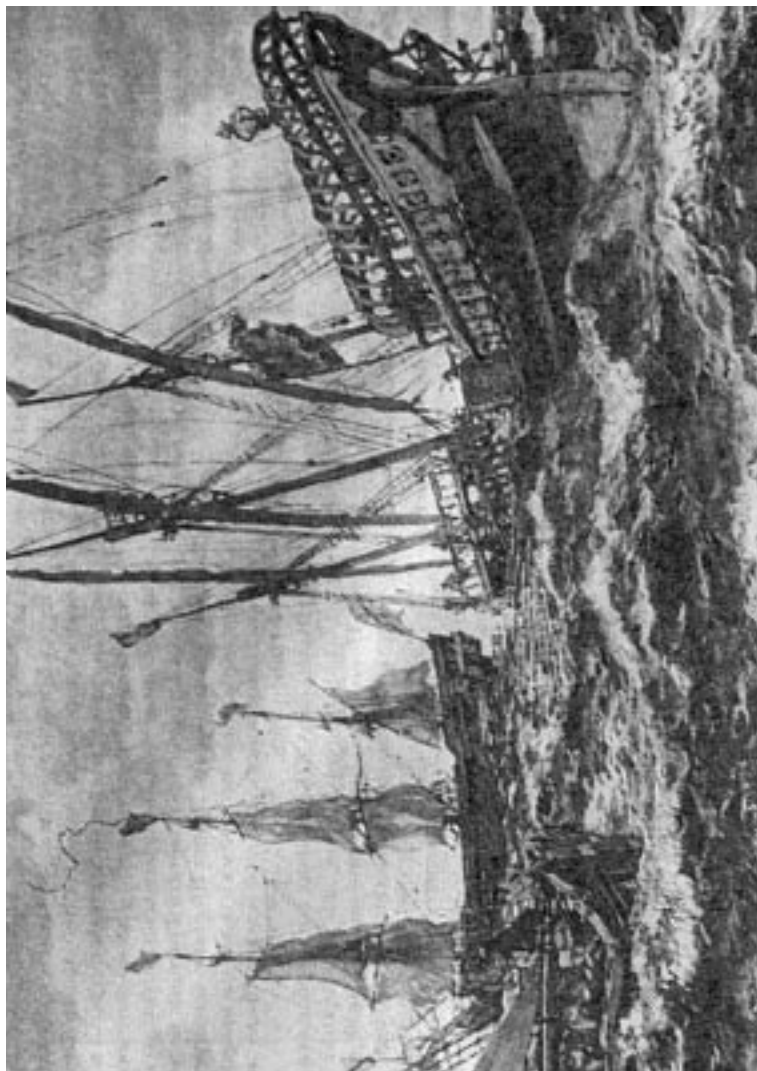
века), продажа вина в Петербурге по 1-е января 1704 года дала дохода 8,238 р. 20 алтын.

Сильная убыль рабочих обратила на себя внимание Петра, и 2 марта 1704 года издан был указ о новом призыве рабочих с 85 городов, с посадов, дворцовых волостей, поместьев, вотчин «всяких чинов людей, с крестьянских и из бобыльских дворов взять работных людей с десяти дворов по человеку», так что цифра выставленных людей должна была дойти до 40 тысяч. Цифра эта сделалась почти нормальною для ежегодной поставки работников в течение следующих 15 лет».

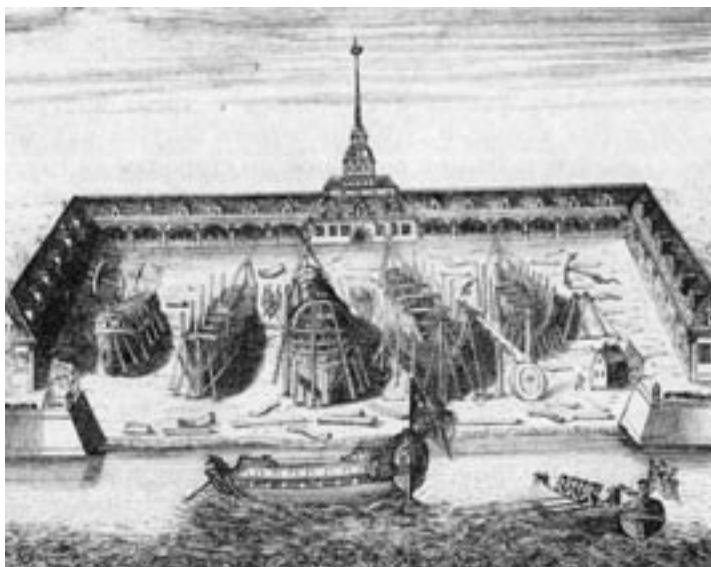
Строительство продолжалось, несмотря ни на что.

18 октября 1704 года, утром, в Петербург прибыла флотилия из Свири и была торжественно встречена пушечной пальбой. Петр, по пути неоднократно попадавший в непогоду на Ладожском озере, ясно увидел необходимость основать корабельную верфь ближе к Финскому заливу. Он с Меншиковым побывал во всех невских бухтах и заливах, целую неделю почти не выходил из лодки, несмотря на осеннее время, пока, наконец, не решил строить верфь на левом берегу Невы, напротив Васильевского острова. 5 ноября 1704 г. заложен был «Адмиралтейский дом».

Первоначально это была большая четырехугольная площадь, застроенная с трех сторон десятью эллингами, деревянными магазинами, с деревянной башней, увенчанной железным шпилем посередине. Все строения были окружены земляным валом. Рядом (по плану Меншикова) появились первые дома корабельных мастеров, избы рабочих, необходимые сараи, амбары, кузницы и т. п. До 1718 года Адмиралтейство было также с трех сторон окружено рвами, облицованными камнем и плитами, за которыми возвышался вал и парпет с шестью бастionsами. С четвертой стороны

Корабли петровской эпохи. Худ. Е. Лансере

Адмиралтейский дом. С гравюры 1716 года.

открывалась Нева. Над въездными воротами размещались палаты для заседания адмиралтейств-коллегий. Вокруг здания располагались разные мастерские, большие кузницы, в одном из флигелей была рисовальная зала, где чертили планы кораблей, везде лежали строительные материалы.

Вот как описывает Адмиралтейство поляк-очевидец: «Нас пригласили в Адмиралтейство, где ожидал царь. Пройдя мост на канаве и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли; здесь мы осматривали нововыстроенный большой, красивый корабль, затем отправились в кузницу, где было 15 горнов и при каждом 15 кузнецов с мастером. Оттуда мы прошли через другой канал к большому трехэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по раз-

ным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности: были там канаты, вощенные, смоленые, намазанные разным жиром; некоторые были толщиной в половину человека, гвозди для прибивки досок лежали большими кучами и т. д. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из *Ост-Индии*; царь говорил, что если бы у бояр его было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употреблялось для выделки колес, вращающих канаты; далее царь нам показывал несколько других вещей; затем в двух комнатах мы увидели множество меди, взятой у шведов, и царь при этом сказал послу, что это шведы ему пожаловали. Гости после отправились в галерею, находящуюся в среднем этаже, где адмирал *Апраксин* угощал их одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, языком, морскими рыбами и т.д.; давали и пиво, очень холодное. В это время на башне играла музыка. Посидев немного, мы отправились в коллегии, где было много молодежи. Там столы накрыты были зеленым сукном, на стенах развешаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель здесь объяснял военное искусство. Отсюда мы сошли к каналу, в котором стояло несколько судов с насосами. Потом пошли в комнату, где была библиотека, в которой были большие запасы разного рода бумаги, белой, серой, черной. Несколько комнат было занято готовым платьем разного цвета на 24 000 человек. Затем пошли мы через канал, где живут разного рода ремесленники, видели, где цирюльники приготовят мази и пластыри для ран, было здесь около восьмисот портных, работающих над парусами. Было там тоже здание большое и широкое на сваях, в два этажа; здесь готовили модели кораблей. Вечером, когда стал идти дождь, мы отправились в комнаты, где было много

Вид на Адмиралтейство и Исаакиевскую площадь при Петре I.

вина и пива и где начальник кораблей Головин нас угощал. Он носит постоянно золотой циркуль, украшенный драгоценными камнями, в знак своего достоинства. Царь его на каждом пиру сажает с собой рядом, пьет за его здоровье и делает с него гравюры. Во время пира царь привстал и, кланяясь, налил вино, ходил и раздавал нам всем рюмки, исполняя свою обязанность так, как если бы не сделал этого, то должен был бы уплатить штраф».

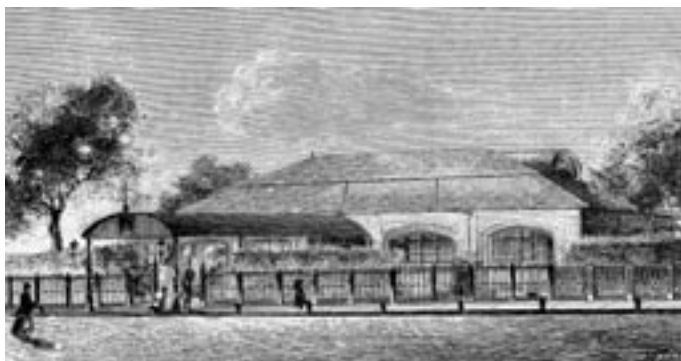
Первый корабль (пятидесятипушечный) был заложен Петром в Адмиралтействе в 1709 году и спущен 15 июня 1712 года, он был назван «Полтава». В 1718 году был спущен 90-пушечный корабль под именем «Старый Дуб».

Спуск кораблей отличался большой торжественностью. Мастер в день спуска построенного им корабля одевался весь в черное и получал из рук царя или морского министра на серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку или борт.

Каменное здание Адмиралтейства было сооружено на месте прежнего мазанкового через год после смерти Петра, а старинная деревянная башня сменилась каменной в 1734 году. В конце 1735 года шпиль над ней был обит медными, позолоченными в огне листами. На позолоту шпиля пошел 5081 золотой червонец.

Императрица Елизавета Петровна соорудила в середине башни, под шпилем, церковь во имя Воскресения Христова. При императрице Екатерине II, после наводнения 1777 года, было приказано выставлять в углах средней башни днем флаги, а ночью зажженные фонари. В царствование императора Павла I адмиралтейская площадь сделалась местом учения войск. В царствование императора Александра I Адмиралтейство было перестроено, на месте бывшего гласиса был устроен широкий и тенистый бульвар в три аллеи, который вскоре стал самым модным местом для гулянья петербуржцев, и фельетонист того времени в весеннем обозрении писал: «В нашей столице севера и наводнений дни становятся все лучшие, светлее, суше, пыльнее. Шпиль Адмиралтейства постоянно от восхода до заката солнца горит, как золотая игла, а ночью перерезает воздух серебристой полосой. В канцеляриях и департаментах чиновный мир ежедневно торопится исполнить свои экстренности, чтобы поскорее поспеть на гульбище на бульвар, повидаться со знакомыми, покалякать» и т. д. При Александре I Адмиралтейство было перестроено архитектором А.Д.Захаровым: вся длина его фасада была отделана заново.

Все первое десятилетие своего существования Петербург располагался на правом берегу Невы. С 1703-го по 1708 год около жилищ царя и Меншикова появилось довольно много частных домов, преимущественно принадлежавших приближенным Петра и лицам, вызванным в Петербург службой

Домик Петра Великого.

или по монаршему повелению. Эти дома были деревянные, без дворов и построены без плана. Выдавались своей величиной дома Брюса, Шафирова, Головкина, Зотова и других вельмож.

Часовня в домике Петра I.

Благодаря наплыву мелких торговцев (привлекаемых дороговизной и разными льготами), а также множеству немцев, бежавших из разоренных городов, пленным шведам, разным мастеровым и рабочим, здесь устраивались целые слободы.

Центром поселения оставалась площадь перед крепостью, на которой находился домик Петра и первая в Петербурге аустерия (вид трактира, размещавшегося в окруженном галереями двухэтажном доме, в котором продавались от казны вино, карты, пиво, водка и табак), гостиный двор, состоявший из нескольких сот бревенчатых лавок, и, наконец, сыт-

Гостинный двор. С гравюры 1716 года.

ный рынок. Тут стояли два ряда лавочек, где, так же как и на улице, пирожники, хлебопеки и маркитанты выставляли свой товар, продавались старое платье, лапти, веревки, седла с подушками из войлока и пр. Здесь всегда толпилось такое множество народа, что прохожие должны были зорко следить за своими кошельками. Позади сытного рынка располагались шалаши рабочих, а налево тянулась Татарская слобода, населенная татарами, калмыками и другими представителями различных народностей, высланными на постройку Петербурга. Под крепостью, на самом берегу Невы, стояло большое деревянное здание, крытое дранкой и лубками, — мытный двор. Здесь по обеим сторонам улицы продавалось все, что относится к домашнему хозяйству: горох, чечевица, бобы, крупа, мука, деревянная и глиняная посуда и т. п. Недалеко от мытного двора, на берегу, была построена на сва-

ях бойня, но так низко, что всегда находилась в опасности от наводнений. Застроенные места по левую руку от бойни, по набережной р. Ждановки, назывались Русской слободой. Здесь жили небогатые люди и было только несколько красивых, обнесенных забором домов: вице-губернатора, ландрихтера и других чиновников.

Недалеко от первого жилища царя вскоре появилась небольшая деревянная Троицкая церковь, освященная 10 июня 1711 года, отчего пустырь вокруг нее стали называть Троицкой площадью, а весь остров — Троицким.

Церковь св. Троицы.

Больше всего жители Петербурга терпели от наводнений. Река даже при незначительном подъеме воды затопляла острова и берега. Наводнения начались с первых же лет. В ночь на 5 октября 1705 года Нева затопила левый берег, подмочила сложенные на адмиралтейском дворе припасы и разрушила много домов. В сентябре следующего года Петр был разбужен прибылью воды в своем домике на Петербургской стороне. Петр писал Меншикову: «Третьяго дня,

ветром вест-зюйд-вестом такую воду нагнало, какой, скажут, не бывало. У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм, а по огороду и на другой стороне по улице свободно ездили в лодках... И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели, не то что мужики, но и бабы. Вода, хотя и зело велика была, а беды большой не сделала». Несмотря на столь оптимистичный взгляд царя на питерские наводнения, в будущем они неоднократно «сделают большую беду».

Мережковский описывает это наводнение так:

«Теперь уже весь дом дрожал непрерывною дрожью от натиска бури. Но к звукам этим так привыкли, что не замечали их. Лицо царя было спокойно, и видом своим он успокаивал всех.

Кем-то пущен был слух, что направление ветра изменилось, и есть надежда на скорую убыль воды.

— Видите? — сказал Петр, повеселев. — Нечего было и трусить. Небось, барометр не обманет!

Он перешел в соседнюю залу и принял участие в танцах.

...Не успели отдохнуть, как царь начал новый, еще более трудный, цепной танец. Тридцать пар, связанных носовыми платками, следовали за музыкантом — маленьким горбуном, который прыгал впереди со скрипкою.

...Возвращаясь во флигель, увидели в галерее бегущих навстречу людей. Они махали руками и кричали в ужасе:

— Вода! Вода! Вода!

Передние пары остановились, задние с разбега налетели и смяли передних. Все смешалось. Сталкивались, падали, тянули и рвали платки, которыми были связаны. Мужчины ругались, дамы визжали. Цепь разорвалась. Большая часть, вместе с царем, кинулась назад к выходу из галереи в главное здание. Другая, меньшая, находившаяся впереди,

ближе к противоположному выходу во флигель, устремилась было туда, же, куда и прочие, но не успела добежать до середины -галереи, как ставня на одном из окон затрещала, зашаталась, рухнула, посыпались осколки стекол, и вода бушующим потоком хлынула в окно. В то же время, напором сдавленного воздуха снизу, из погреба, с гулами и тресками, подобными пушечным выстрелам, стало подымать, ломать и вспучивать пол.

Петр с другого конца галереи кричал отставшим:

— Назад, назад, во флигель! Небось, лодки пришло!

Слов не слышали, но поняли знаки и остановились.

...Тогда кучка отставших — их было человек десять — видя, что уже окончательно отрезана водою от главного здания, бросилась назад во флигель, как в последнее убежище.

Но и здесь вода настигала. Слышно было, как плещутся волны под самыми окнами. Ставни скрипели, трещали, готовые сорваться с петель. Сквозь разбитые стекла вода проникала в щели, сочилась, брызгала, журчала, текла по стенам, разливалась лужами, затопляла пол.

Почти все потерялись. Только Петр Андреевич Толстой да Вилим Иванович Монс сохранили присутствие духа. Они нашли маленькую, скрытую в стене за шпалерами дверь. За нею была лесенка, которая вела на чердак. Все побежали туда. Кавалеры, даже самые любезные, теперь, когда в глаза глядела смерть, не заботились о дамах; ругали, толкали их; каждый думал о себе.

На чердаке было темно. Пробравшись ощупью среди бревен, досок, пустых бочек и ящиков, забились в самый дальний угол, несколько защищенный от ветра выступом печной трубы, еще теплой, прижавшись к ней, и некоторое время сидели так в темноте, ошеломленные, оглуелые от страха.

Дамы, в легких бальных платьях, стучали зубами от холода. Наконец, Монс решил сойти вниз, не найдет ли помощи.

Внизу конюхи, ступая в воде по колено, вводили в залу хозяйских лошадей, которые едва не утонули в стойлах. Ассамблейная зала превратилась в конюшню. Лошадиные морды отражались в зеркалах. С потолка висели и трепались клочья сорванного полотна с «Ездой на остров любви». Голые амуры метались, как будто в смертном ужасе. Монс дал конюхам денег. Они достали фонарь, штоф сивухи и несколько овечьих тулупов. Он узнал от них, что из флигеля выхода нет: галерея разрушена; двор залит водою; им самим придется спастись на чердак; ждут лодок, да, видно, не дождутся. Впоследствии оказалось, что посланные царем илюпки не могли подъехать к флигелю: двор окружен был высоким забором, а единственные ворота завалены обломками рухнувшего здания.

Монс вернулся к сидевшим на чердаке. Свет фонаря их немного ободрил. Мужчины выпили водки. Женщины закутались в тулупы.

Ночь тянулась бесконечно. Под ними весь дом сотрясался от напора волн, как утлое судно перед крушением. Над ними ураган, пролетая то с бешеным ревом и топотом, как стадо зверей, то с пронзительным свистом и шелестом, как стая исполинских птиц, срывал черепицы с крыши. И порой казалось, что вот-вот сорвет он и самую крышу и все унесет. В голосах бури слышались им вопли утопающих. С минуты на минуту ждали они, что весь город провалится.

...К рассвету буря утихла. В прозрачной серости тусклого дня кавалеры в париках, покрытых пылью и паутиною, дамы в робронах и фижмах «на версальский манир», под овечьими тулупами, с посиневшими от холода лицами, казались друг другу привидениями.

Монс выглянул в слуховое окно и увидел там, где был город, безбрежное озеро. Оно волновалось — как будто не только на поверхности, но до самого дна кипело, бурлило, и клокотало, как вода в котле над сильным огнем. Это озеро была Нева — пестрая, как шкура на брюхе змеи, желтая, бурая, черная, с белыми барашиками, усталая, но все еще буйная, страшная под страшным, серым как земля и низким небом.

По волнам носились разбитые барки, опрокинутые лодки, доски, бревна, крыши, остовы целых домов, вырванные с корнем деревья, трупы животных.

И жалки были, среди торжествующей стихии, следы человеческой жизни — кое-где над водою торчавшие башни, шпицы, купола, кровли потопленных зданий.» (Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей). Собр.соч. т.2. – М. «Правда», 1990. с.469-473).

В книге „Das veranderte Russland, Frankfurt, 1721" автор рассказывает, что в 1713 году в Петербурге два раза случались наводнения, все острова были покрыты водой, в первый раз буря случилась ночью, и сонные люди с трудом спасались в уносимых водой постройках.

5 ноября 1715 года вода поднялась так, что все мосты и больверки были снесены водой; береговые укрепления размыты и повреждены, жители по улицам ездили на лодках.

В 1721 году Нева затопила весь город. Камер-юнкер Бергхольц писал: «С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами; вода с необыкновенной силой проникала в дома, ветер был так силен, что срывал черепицы с крыши. Около половины второго часа вода, наконец, начала уменьшаться. 10-го числа того же месяца, после обеда, вода опять начала подниматься, и 11-го числа было тоже наводнение». После первого подня-

Наводнение 1777 года. С немецкой гравюры того времени.

тия воды (5 ноября) был зачитан на всех перекрестках, при барабанном бое, указ: «Как вода начнет прибывать, то весь рогатый скот и лошадей отсылать в лес».

В этот вечер все придворные лошади были отосланы в лес, а некоторые (например, у посланника Бассевича) стояли на втором этаже в покоях. Академик Крафт рассказывает, что 5 ноября 1725 года было опять наводнение и сильнейший юго-западный ветер дул с 9 часов утра до полуночи, а вода достигла отметки в 8 футов и 2 дюйма (около 2,5 метров).

После наводнения 1726 года Екатерина I издала указ: «Для опасности от такой же воды всякое строение впредь, кому где надлежит строить, выше нынешней бывшей воды на фут, и для того везде на строениях поставить знаки». В этом году, когда сошла вода, на Неве образовался новый остров, который от пустоты был назван «остров Буян», на нем вскоре были построены пеньковые и масляные амбары.

Самое ужасное наводнение произошло 10 сентября 1777 года. В этот день ночью вода поднялась на 10 футов и 7 дюймов (примерно 3,2 метра), залила город, только Литейная и Выборгская части не были под водой. В седьмом часу утра вода начала убывать и в полдень вернулась в берега. За два дня до этого в Петербурге стояла сильная непогода: юго-западный ветер был настолько силен, что отогнал воду к берегам Ладожского озера, и все стоявшие у Шлиссельбурга суда обмелели. Буря особенно много принесла вреда садам и рощам Петербурга.

Наводнение в Санкт-Петербурге в 1824 году на Дворцовой площади.
С рисунка того времени.

7 ноября 1824 года вода достигла в некоторых местах города 13 футов и 7 дюймов.

Булгарин пишет: «В 7 часов я уже видел на адмиралтейской башне сигнальные фонари для предостережения жителей от наводнения. В ночь настала ужасная буря; сильные порывы юго-западного ветра потрясали кровли и окна,

стекла звучали от плесков крупных дождевых капель. Беспечные жители столицы спокойно почивали. С рассветом мы увидели, что вода чрезвычайно возвысилась в каналах и сильно в них волновалась. Сначала появлялись на улицах только люди, вышедшие из домов своих за делами, но около 10 часов утра при постепенной прибыли воды толпы любопытных устремились на берега Невы, которая высоко поднималась пенистыми волнами и с ужасным шумом и брызгами разбивала их о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидели несчастья, низменные места, лежащие по берегам Финского залива и при устье Невы, были затоплены, и жители Гавани, Канонирского острова, Гутуевского, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казенного Чугунного завода, близ Екатерингофа, терпели бедствие. Невозможно описать того ужасного явления, которому были свидетелями люди, бывшие в это время на берегу Финского залива и чудесно спасшиеся от гибели. Необозримое пространство вод казалось кипящей пучиной, над которой распростерт был туман от брызг волн, гонимых против течения и разбиваемых ревущими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец яростно устремились на берег. Множество деревянных построек не могли противостоят огромной массе воды и с треском обрушились. Люди спасались как могли, в уцелевшие дома, на бревнах, плавающих кровлях, воротах и т. д. Многие погибли, как и домашний скот и пожитки. Вода беспрестанно прибывала и, наконец, ринулась на весь город. В одно мгновение вода полилась через края набережных реки и всех каналов, через подземные трубы она хлынула в виде фонтанов».

«Трудно представить себе смятение и ужас жителей: погребов, подвалы и все нижние этажи тотчас наполнились

водой; каждый спасал, что мог, и выносился наверх, оставляя в добычу воде свое имущество. Некоторые, слишком заботливые о вещах и товарах, погибли в погребах; толпы народа, бывшего на улицах, бросились в дома, другие спешили в свои жилища, но прибывавшая вода принудила их искать спасения, где кто мог. Кареты и дрожки, которые сперва разъезжали по воде, начали всплывать и спасаться на высоких мостах и по чужим дворам. В первом часу пополудни весь город, за исключением Литейной, Каретной и Рождественской частей, был залит водой везде почти в рост человека, а в некоторых низких местах (как, например, на перекрестке Большой Мещанской и Вознесенских улиц и у Каменного моста) более нежели на полторы сажени. Вид из окон дома Котомина (дом, где лавка Елисеева, у Полицейского моста) был ужасный и необыкновенный.

Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невой составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкой рекой, до самого Аничковского моста. Мойка, подобно всем каналам, скрылась от взоров и соединилась с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись леса, бревна, дрова, мебель. Вскоре мертвое молчание водворилось на улицах. Около двух часов появился на Невском проспекте на двенадцативесельном катере военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович для подания помощи и ободрения жителей. Несколько небольших лодок проехало по Морской, и еще большой катер с несколькими людьми разного звания, спасшимися от гибели на берегу Невы, причалил к дому Косиковского. Близ Смоленского поля, на Петербургской стороне и вообще в местах низких, занятых деревянными строениями, вода смыла последние до основания и улицы загромодила лесом, дровами и даже хижинами; кое-где лежали изломан-

ные барки; одно паровое судно большой величины с завода Берда очутилось в Коломне, возле сада католического митрополита. На Неве все мосты были сорваны, за исключением Самсониевского и соединяющего Каменный остров с Петербургской стороной. Каменные и чугунные мосты все уцелели, но гранитная набережная Невы сильно пострадала, многие камни были сдвинуты с места или опрокинуты. В третьем часу пополудни вода начала сбывать, в 7 часов начали уже ездить в экипажах по улицам.

Много рассказов про это наводнение находим в письмах И. И. Мартынова, известного профессора и журналиста. Наводнение 1824 года совершенно его разорило и лишило всего движимого и недвижимого имущества. Вот несколько эпизодов, описанных им: «Вода на Васильевском острове стала прибывать в 8 часов утра. В это время она разливалась по II-й линии, у стен моего дома; через час я уже плакал, видя, как вся моя библиотека, которую собирал более тридцати лет, составленная большей частью из редких и дорогих книг, преспокойно уплывала из разбитого окна на улицу».

«Прошло три часа,— продолжает он,— но вода все прибывает; казалось, ветер свистит и свирепствует еще сильнее; волны на очищенных ими от заборов и всякого леса огородах вздымаются, как на море; брызги воды отрываются от валов, сердитых и белых, и часто пошатывается наш мезонин, и сердце замирает. Без сомнения, сорвало бы и наш мезонин и нас унесло бы, если бы с той стороны, откуда дул ветер, не было довольно высокого сарая. Вдруг затрепали в зале и в других комнатах стекла, и вот мимо моего дома несет сорванный парник, сарай, хлев или домик с живыми или с мертвыми, придавленными людьми или животными; там плывут на бревнах; влезают на попадающиеся на дороге де-

ревья...» При этом Мартынов рассказывает, как один работник, сидя верхом на лошади и держась за ее уши, горько обливался слезами и прямо приплыл к ним верхом. «Себя-то мне не жаль,— говорит он, когда ввели его наверх,— а что подумает хозяин, коли лошадь не сбережена». Вода, по свидетельству Мартынова, была около его дома выше сажени. Его прислуга, жившая во флигеле, разломала потолок и вылезла на чердак, потому что вода была до самого потолка.

М.И.Пыляев в своей книге «Старый Петербург», изданной Суворониным в 1887 году, пишет: «...Одна женщина, лишаясь приюта, бежит по воде, выбирая для этого высокие места, с малолетней дочерью, но вода быстро прибывает... мать уже не находит возможности к спасению жизни дочери, о своей уже не думает, вдруг видит позади себя солдата, плывущего на бревне и бросает к нему через голову свое детище. Солдат подхватывает дитя, а бедная мать на его глазах погружается в воду и утопает.

Даже такие забавные эпизоды, как сиз, заплывший в подвал императорской публичной библиотеки, не могут потешить при общем бедствии. В переполохе один армянский священник на армянском кладбище привязал себя в церкви к стене веревкой, дабы в случае, если он потонет, то, по крайней мере, не унесло бы его трупа без вести, так как это и случилось действительно с другими.

К одному англичанину принесло водой гроб его приятеля, вырытый из земли, которого он похоронил за два дня до наводнения. От полиции была повестка с объявлением, кто из обывателей нашел гроб с непогребенным покойником, унесенный со Смоленского кладбища, и кто представит его, тому будет дано 500 рублей. К одному владельцу дома на Выборгской стороне принесло водой в пустом сахарном ящике грудного младенца; утром после наводнения он слы-

шит детский крик, идет к месту, где слышен крик, и находит ребенка, он улыбается; нашедший принимает его к себе на воспитание.»

На другой день после наводнения одни плакали, другие радовались, одни разорились, другие нажились. Так, после схода воды попадались мужики и женщины с полными ведрами какой-то жидкости. «Что это?» — спрашивали их. «Патока», — отвечали. «Откуда?» — «А вот на бирже размыло сахарный песок». «И действительно, — говорит очевидец, — я посмотрел на показанное место и увидел множество людей, с ведрами и другой посудой собирающих патоку у забора, где были навалены горы сахарного песка, и весело болтающих о том, кто сколько поймал утопших. Этого мало, едва успела уйти вода, как начались грабежи». Один человек в первое же утро застал у себя одного «храброго молодца» с дубинкой. «Что ты делаешь?» — спросил он его с негодованием. «Ищу вчерашнего дня!» — мрачно отвечал бандит, укладывая чужое добро в большой мешок.

Пыляев продолжает: «Были, впрочем, и такие добрые люди, которые с опасностью для своей жизни спасали других. Так, один мужичок в продолжение нескольких часов спас четырнадцать душ; затем Соколов, секретарь Российской академии, живший в верхнем этаже, спас пятнадцать человек погибающих, подавая им веревки.

Содержавшиеся в исправительном доме преступники во время наводнения были выпущены на свободу, но не все захотели ею воспользоваться и с самоотвержением бросились спасать утопавших в соседнем доме старых бедных женщин и по пояс в воде выносили их.

Генерал Бенкендорф сам перешел через набережную, где вода доходила ему до плеч, сел не без труда на катер, которым командовал мичман гвардейского экипажа Беляев, и

при опаснейшем плавании, продолжавшемся до 3 часов ночи, успел спасти множество людей. Полковник Герман, получив высочайшее приказание отправиться в Коломну в казармы гвардейского экипажа для рассылки судов на помощь погибающим, поехал из дворца в курьерской тележке, но должен был бросить ее на дороге и сесть верхом на лошадь, которую вскоре переменил и наконец с величайшим трудом и опасностью доехал в лодке до казарм и исполнил возложенное на него поручение. В шесть часов вечера он возвратился во дворец пешком по пояс в воде, поддерживаемый отправленным с ним матросом. Мичман Миллер спас двенадцать человек, ездя от Галерной улицы к Исаакиевскому мосту и по Неве, принимая погибающих к себе на катер. Капитан Скрыдлов на небольшом судне спас сто человек...

Другой гвардейский солдат, посланный с заставы с донесением, проходя Сенную, слышит плач ребенка, плавающего на столе на нижнем этаже. Служитель останавливается, борется несколько времени с обязанностью службы и с состраданием, но последнее чувство берет верх; он, перекрестясь, кидается в воду и спасает ребенка. Между тем вода прибывает; он, не колеблясь, кидает свой кивер, сажает ребенка на голову и таким образом выносит его из опасности. Сострадание к утопающим во время наводнения в Петербурге особенно ярко высказывалось между простолюдинами. Так, крестьянин Иван Сысин видит, что в квартире Степана Морейского вода была вышиной более двух аршин и что там погибают четыре женщины, и в числе последних старуха 90 лет; он верхом на лошади подъезжает к дому, выбивает стекла в окнах и спасает погибающих.

Шкипер шхуны, принадлежавшей купцу Бруну, подавал помощь весь день утопающим и спас 23 человека. Аудитор Климов спас от потопления 12 человек. Плотники казенно-

го Чугунного завода, бывшие в одном доме на Петергофской дороге, пообедав, легли отдыхать; двое из четырнадцати человек пошли спать на чердак. Когда вода стала прибывать, двенадцать товарищей стали кричать; крики, к счастью, разбудили двух спавших на чердаке, которые тотчас принялись за топоры и, прорубив отверстие в потолке, стащили их на чердак одного за другим, и потом все спаслись на крыше».

Городскими постройками заведовал комиссар Ульян Акимович Сенявин, заслуживший доверие царя постройкой судов на Сяси. Он с ежегодными отчетами о проделанной работе представлял царю свои соображения относительно будущих работ, вместе со сметой. Получив разрешение царя на те или другие постройки, Сенявин распоряжался совершенно самостоятельно. От него зависело распределение рабочих, отпуск материалов и т. п. Трудное время наступало для комиссара, когда высший надзор, в отсутствие царя, переходил к Меншикову. Приходилось, безусловно, исполнять приказы царского любимца, хотя бы они были прямо во вред делу. Меншиков был крайне упрям и капризен в своих требованиях. Он не привык стесняться и со специалистами, так, например, он нередко замедлял, отклонял или прямо отвергал дельные предложения генерал-интенданта всех построек в России Леблона.

Но попечение и управление нового города, с первых же лет его существования, было всецело поручено Меншикову, получившему, при делении России на губернии в 1708 году, титул губернатора новообразованной Ингерманландской губернии. Бедственное положение десятков тысяч рабочих, собранных с близких и дальних мест, отсутствие жилья, недостаток продовольствия в первые годы — все это говорит не в пользу тогдашней петербургской власти. Между тем ре-

План Санкт-Петербурга, составленный при Петре I.

шить возникшие проблемы было не в силах правительства. Оно не имело на это достаточно средств и даже не могло надлежащим образом распорядиться теми, какие имелись. Бедность и пустынность обживаемой территории, отсутствие развитой системы путей сообщения и пр. – все препятствовало нормальному управлению и развитию. Русский же народ видел одни только дурные стороны, страдал от них и относился недоверчиво и враждебно к замыслам Петра, считая их пустыми затеями.

В 1708 году в Петербург из Москвы отправилось все царское семейство: обе царицы, Марфа и Прасковья; две царевны, Анна и Екатерина Ивановны; любимая сестра Петра - Наталья Алексеевна, а также князь Федор Ромодановский, князь Борис Голицын и будущая царица Екатерина Алексеевна. По одной версии: «царь посчитал Петербург уже настолько благоустроенным, что захотел похвалиться им перед членами своей семьи», по другой же - здоровье изменило ему, и приближенные, боясь печального исхода, дали знать царскому семейству в Москву об опасности. По весеннему бездорожью сестры и невестки Петра пустились в трудный путь в Петербург.

Александровский форт в Кронштадте.

На 5 дней они были задержаны в Шлиссельбурге плохой погодой и только 25 апреля смогли опять двинуться к своей цели. В этот же день состоялся их торжественный въезд в Петербург.

Смотр судов в Кронштадте.

Адмирал Апраксин встретил их на своей яхте за 4 версты выше города и ввел на пристань перед домом Меншикова, где для них приготовлено было помещение. Собственный домик Петра был очень мал, поэтому для всех торжественных случаев царь пользовался домом своего любимца, самым большим и богатым во всем Петербурге. Его называли также Посольским домом, потому что здесь давались аудиенции иностранным послам.

День приезда царицы и царевен закончился пиром, а на другой день утром в доме вспыхнул пожар, сильно всех напугавший. Дав своим царственным гостям время оправиться, Петр 2 мая возил их в Кроншлот смотреть свой балтийский флот, а 13 мая, в день Вознесения, представил им новое торжественное зрелище. В этот день происходила закладка второго каменного бастиона Петропавловской крепости. Первый камень положил прибывший из Москвы

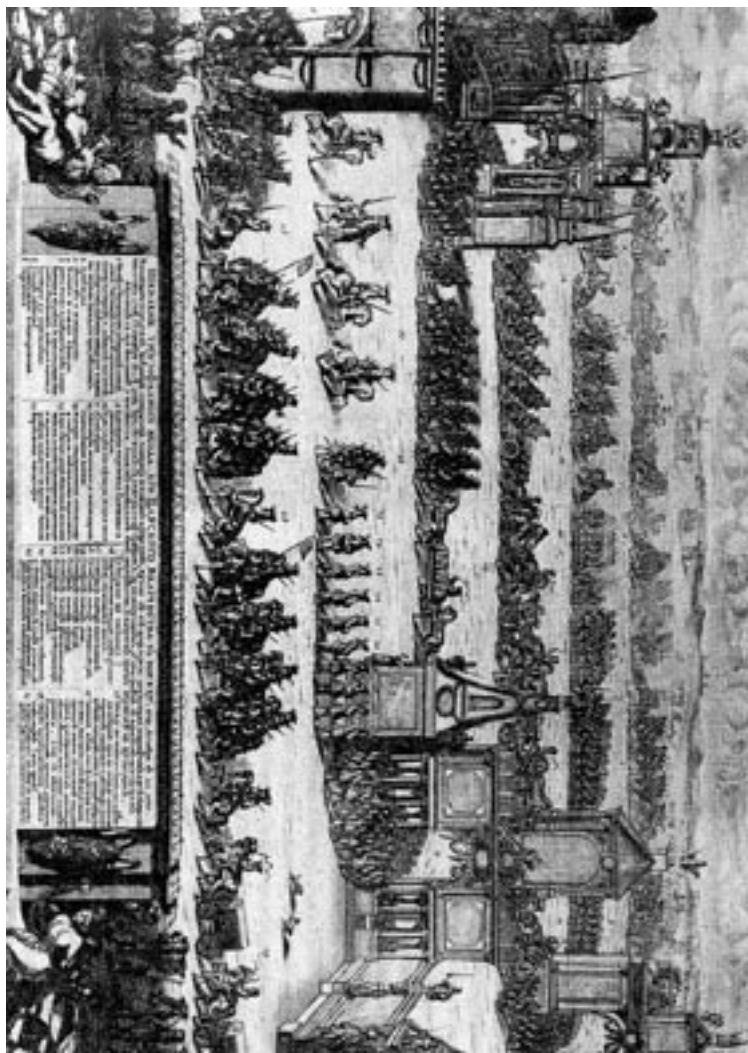
местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Яворский; второй камень заложил царь, следующие — царица, царевны и присутствовавшие сановники. Торжество закончилось банкетом в доме генерал-провиантмейстера князя Шаховского. В мае Петр должен был спешно отбыть в армию, так как получено было известие о приближении шведов к русской границе. Вслед за ним выехало из Петербурга и царское семейство.

Многие исследователи предполагают, что мысль основать столицу в Петербурге появилась у Петра только после Полтавской победы, ввиду полной безопасности со стороны шведов. По крайней мере, только с этого времени начинают выходить указы о переселении в Петербург высших государственных сановников, дворян, купцов и промышленников из Москвы и других городов. А также о перемещении высших правительственных мест, как гражданских, так и духовных, из прежней столицы. Одновременно с этим был отдан приказ «министрам, генералам и знатному дворянству» строить каменные дома в Петербурге.

Зимний дворец во времена Петра I.
С гравюры 1716 года.

Но приказ этот плохо исполнялся, почти все дома были деревянными, а затем мазанковыми (конструкция по типу фахверка). Тогда был издан указ, з а п р е щ а ю щ и й каменное строительство по всей стране,— камень

Триумфальный вход Петра I с войском в Москву после победы под Полтавой.
1709.

Кунсткамера и Академия наук во времена
Ломоносова.

везли в Петербург. Перед создателями Петербурга стояла задача: в короткий срок в обширном пространстве построить город, который изначально обладал бы столичным масштабом и столичной монументальностью. Особую специфику будущему городу задавал ландшафт.

Акватория Невы и ее притоков стала композиционным стерж-

нем будущего города. Пространство было организовано высотными доминантами, поставленными в ключевых точках. Это традиционный прием, хорошо знакомый по старым русским речным городам типа Новгорода и Пскова. Но если там акцентами служили церкви и колокольни, то в Петербурге с башнями строятся общественные и промышленные здания (Кунсткамера, Адмиралтейская и Партикулярная верфи). Особо значимые здания — Зимний дворец, Адмиралтейство, церковь Св. Исаакия Далматского, Александро-Невская лавра и другие — были построены на большом расстоянии друг от друга, образовав «каркас» будущего города. Первой магистралью стала «Невская перспектива» — вначале просека, впоследствии Невский проспект, ведущий от Адмиралтейства к лавре. Историки предполагают, что Петру принадлежала идея прокладки трех магистралей, сходящихся у Адмиралтейства, обеспечивающих ясную композицию городского центра.

Для решения проблемы цельности и единства города нужен был генеральный план.

Первые генеральные планы Петербурга были разработаны Доменико Трезини, предполагавшим развивать город на Васильевском острове (задуманная им система — три главных параллельных проспекта и поперечные «линии», по которым были проложены каналы, — дошла до наших дней), и Ж.-Б. Леблон, по проекту которого город должен был иметь правильную овальную форму с кольцом укреплений по периметру. Леблон учел сложившиеся к тому времени композиционные узлы — крепость, Адмиралтейство и др., остальная территория города была разбита по правильной геометрической схеме прямыми проспектами, на пересечениях которых были задуманы общественные площади. Ни один из проектов полностью не был осуществлен, но ряд заложенных в них идей стал основой развития Петербурга.

Чтобы сразу создать эффект освоенности огромного пространства, был выбран прием застройки, создающей своеобразные «ширмы»: по берегам Невы создавались «зоны»,

Дворцовая набережная начала XVIII века. С гравюры того времени А.Ф.Зубова.

кажущиеся освоенными, и оставлялось время на заполнение находящихся за этими «ширмами» территорий. Такую возможность давали здания, вытянутые в линию, и линейные группы зданий. Например, местность на другом берегу Большой Невки была мало заселена. Здесь всего было несколько домов, из которых один принадлежал князю Черкасскому. Это пространство было «закрыто» громадным зданием госпиталя, по проекту Трезини. К стрелке Васильевского острова, где образовалась большая площадь с Гостиным двором, было обращено протяженным фасадом здание Двенадцати коллегий, «сплошную фасаду» получил ряд набережных, на которых дома ставились вплотную один к другому.

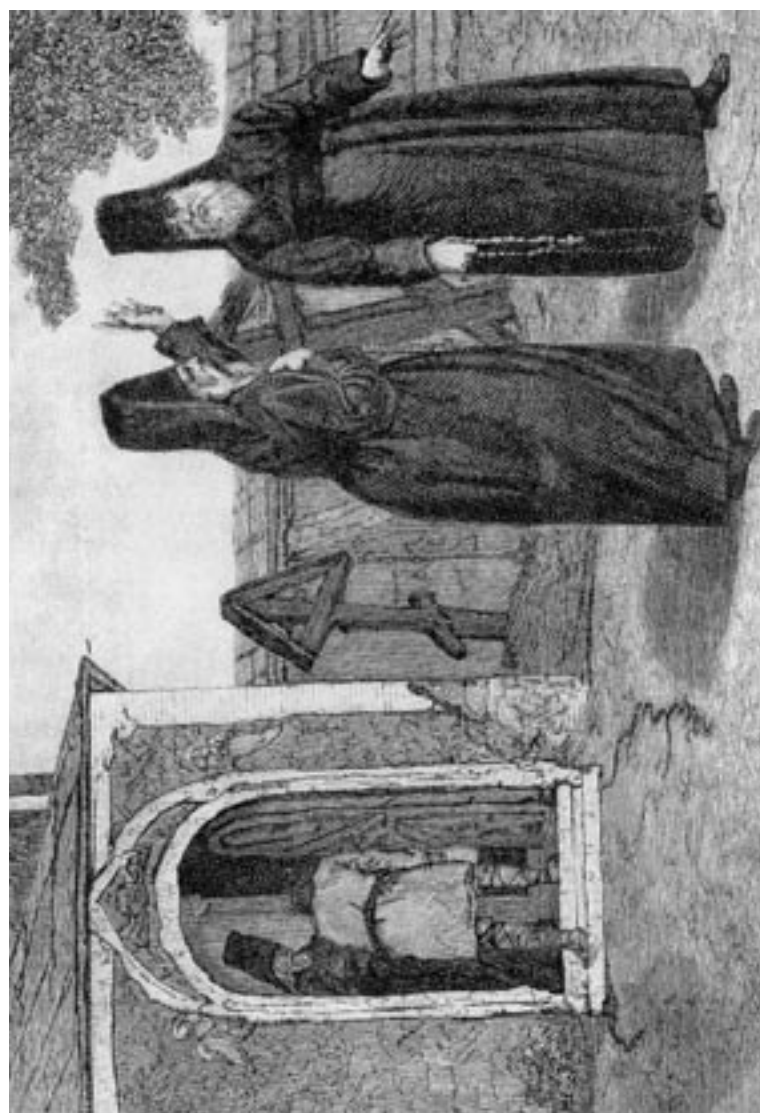
Один из членов польского посольства, посетивший Петербург спустя 17 лет после постройки города, говорит следующее: «Здесь всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастлив был тот, кому отведено сухое место, но кому попалось болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент; еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж. Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и лавки, где можно получить все. Лавки - это четырехугольные строения, в которых как по одну, так и по другую сторону живут купцы. Дворцы громадные, каменные, с флигелями, кухнями и удобствами, но только они наскоро построены, так что при малейшем ветре валятся черепицы. Сады очень красивые. Я слышал от самого царя, который сказал нам: „Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля“. И в самом деле, сюда привезена для сада морем из Венеции даже целая беседка из алебаstra и мрамора, расположенная у самой реки между каналами. За дворцом Менишкова находится Французская улица, где

живут одни ремесленники, как-то: скульпторы, плотники, мастера, делающие фонтаны, а также и те, которые выделывают разные вещи из олова и других металлов, но все это для царя. На берегу Невы есть длинный двухэтажный каменный дом, в котором шесть комнат внизу и столько же наверху. С одного берега до самого дома проложен мост, на котором находится избушка и балкон столярной работы. В каждой из комнат этого дома стоят станки для выделывания полотна. На противоположной стороне реки есть другое здание, где выделывают крахмал. Есть два стрельбища, где учат стрелять из пушек» и т.д.

Среди первых построек Петербурга одно из главных мест занимает Невский монастырь. По преданию он построен на том месте, где Александр Невский разбил шведов 15 июля 1241 года. В 1710 году Петр осмотрел эту местность и приказал строить здесь монастырь во имя Св. Троицы и св. Александра Невского. Тогда же хутынский архимандрит Феоdosий водрузил на месте будущего монастыря крест с надписью: «На сем месте создатися монастырь». В 1712 году приступили к работам, и 25 марта 1713 года здесь была освя-

Александрo-Невская лавра при Петре Великом.
С гравюры 1716 года.

щена деревянная церковь Благовещения и началось монашеское общежительство. В 1717 году император утвердил план архитектора Андрея Трезина для будущих каменных монастырских построек, над которыми главным наблюдателем поставил князя Меншикова. Деньги на строительство поступали из казны, а также со сборов от погребения в монастырских церквях. Главный же доход монастыря был от крестьян, которых было приписано к Невскому монастырю до 25 464 душ.

По заключении Ништадтского мира Петр решил перенести в монастырь мощи Александра Невского из Владимирского Рождественского монастыря. В июле 1724 года туда была послана комиссия из духовных и светских лиц «поднять святые мощи с теми же обрядами, с коими были перенесены мощи святого Филиппа из Соловецка в Москву, и доставить до Новгорода сухим путем». После мощи были доставлены на корабль и привезены водой по Волхову, Ладожским озером и Невой. У села Усть-Ижоры Петр встретил посланных, перенес мощи святого к себе на лодку и стал сам у руля. Лодка, в сопровождении множества судов, прибыла в Петербург, где ее встретили императрица, весь двор, все духовенство, вся гвардия и народ. Государь с приближенными поднял с лодки святыню и под богатым балдахинном перенес в освященную только в этот день новую Александровскую церковь, где она и пребывала до постройки главного собора.

В историческом отношении замечательна Благовещенская церковь, освященная уже после смерти Петра в 1725 году. Храм этот с первых дней Петербурга служил усыпальницей царственных особ и знаменитых лиц в истории России. Здесь погребены: граф Пав. Ив. Ягужинский, фельд-маршал В. В. Долгорукий, Ал. Гр. Разумовский, А. М. Голи-

У входа на кладбище Александро-Невской лавры. С гравюры XIX века.

цын, Н. Ив. Панин, А. И. Ушаков, граф Брюс, И. И. Бецкий, кн. Безбородко, Ив. Ив. Шувалов, Ив. Гр. Чернышев, Ал. В. Суворов и многие другие. Из царственных особ здесь по-
коятся: царица Прасковья — супруга Иоанна Алексеевича, Наталья Алексеевна — сестра Петра, сын Петра I — Петр Петрович, правительница Анна Леопольдовна, дочь Петра III — Анна, первая супруга Павла I — Наталья Алексеевна, дочь Павла I — Ольга и дочери Александра I — Мария и Александра. Посередине церкви, где теперь лежит прах грузинской царицы Дарии Георгиевны, здесь 34 года и 4 месяца покоилось тело Петра III.

В Благовещенскую церковь, эту единственную в первое время после создания Петербурга усыпальницу особ из царствующего дома, были перенесены в 1723 году, когда храм еще строился, тела любимой сестры Петра, Натальи Алексеевны, и сына императора, Петра Петровича.

Васильевский остров в это время уже принадлежал князю Меншикову, который выстроил себе здесь великолепные каменные палаты. Время постройки этого дворца вопрос спорный: одни относят ее к самым первым годам существования Петербурга, большинство же к 1710 году (но последнее вряд ли верно, поскольку в 1710 году в зале этого дворца уже справлялась свадьба царевны Анны Ивановны). Здание дворца было трехэтажным итальянской архитектуры, с железной красной крышей. Фронтон был украшен шестью большими статуями, а боковые выступы, с балконами на Неву, были увенчаны огромными княжескими коронами. Комнаты были сводчатыми, в среднем этаже находилась огромная зала, где давались все придворные празднества, балы, обеды и справлялись свадьбы всех знатных лиц. Множество других покоев, с роскошной меблировкой, наполнены были серебряными сервизами и разными драгоценностями.

Позади дворца и сопутствующих зданий до самой Малой Невы был разведен княжеский сад, окруженный затейливыми решетками, с оранжереями, цветниками и фонтаном. Направо за садом стояла ветряная мельница и жили княжеские служители, архитекторы, мастеровые, садовники, а налево, позади главного дома, помещался скотный двор. От сада Меншикова к морю была сделана длинная аллея, с двумя рядами деревьев (Большой проспект), на конце которой, у самого взморья, стоял деревянный дом с башней, служившей маяком для мимо идущих кораблей. На берегу Невы был рынок, называвшийся Меншиковым. (Рынок этот потом был переведен на шестую линию, к церкви св. Андрея Первозванного, где существует и теперь.)

Прежний деревянный дом Меншикова на Петербургской стороне был отдан в распоряжение знатных гостей, посещавших Петербург.

Здесь в 1710 году останавливался молодой герцог Курляндский, жених племянницы царя Анны, который в первую же ночь по приезде едва не погиб от наводнения, а вслед затем был страшно испуган пожаром - в нескольких метрах от его дома сгорел огромный бревенчатый гостиный двор на Троицкой площади. Все строение было уничтожено менее чем за час, купцы понесли большие потери, потому что, помимо огня, множество товаров было расхищено в суматохе. 12 человек было поймано на месте преступления, и из них четверо по жребию были немедленно повешены на углах гостиного двора. Тела их, согласно тогдашнему обычаю, оставлены были на виселицах.

Однако, несмотря на первые не совсем приятные впечатления, герцог Курляндский не скучал в Петербурге. 1710 год представлял собою ряд непрерывных празднеств по случаю побед, одержанных русскими войсками. В этом же году происходило торжественное заложение Александро-Невской лавры, основание купеческой и военной гавани в Кроншлоте и, наконец, свадьба самого герцога. Бракосочетание происходило в церкви во дворце Меншикова, на Васильевском острове, и в главной зале был приготовлен великолепный свадебный пир, в котором принимала участие вся царская фамилия. Петр хотел отпраздновать свадьбу с возможной пышностью. Сам он был в парадном платье (редкий случай!), со шпагой на серебряной перевязи. На голове у него был такой высокий напудренный парик, что Петр не мог надеть шляпу. Царь сам вез невесту к венцу по Неве на катере. На гребцах были голландские куртки с вышитыми серебряными гербами. На другом катере следовали немецкие музыканты, игравшие на роговых инструментах. Жениха привезли с такой же торжественностью. Петр держал венец над герцогом, а Меншиков - над невестой. Обед сопро-

Образы каприков. С. Гравюры XVIII века.

вождался любимой забавой Петра: на оба главных стола поставили два огромных кондитерских пирога, из которых среди общего смеха выскочили карлик и карлица. Петр взял карлика на руки и перенес его к карлице, после чего маленькая чета протанцевала среди блюд и графинов французский менуэт. Когда стемнело, на невской набережной вспыхнули потешные огни и осветились транспаранты. На одном из транспарантов изображен был Купидон, сковывающий молотом пылающие сердца, с надписью: "Два воедино соединяю". И надпись, и картина были придуманы самим царем.

Две недели спустя, в той же зале отпразднована была знаменитая свадьба карликов, для которой было собрано более 70 маленьких людей со всей России.

Главной дорогой Петербурга была Нева. Напрасно обращались к Петру купцы с просьбой, чтобы он разрешил навести мост между Васильевским и Адмиралтейским островами, вода составляла настоящую страсть царя, он целый день иногда проводил на яхте, буере или шлюпке. Однажды, когда Нева уже почти замерзла и незамерзшей воды осталось только перед дворцом на сто шагов, он не переставал, однако, плавать взад и вперед в кораблике до тех пор, пока полынья не затянулась. Когда Нева совсем замерзла, то он приказал вдоль берега прочистить дорогу шагов на сто в длину и на тридцать в ширину, и здесь каждый день катался по гладкому льду на буере.

Сообщение между различными частями города во время навигации производилось по воде, потому что мосты были только на Мойке и Фонтанке. С самых первых лет существования Петербурга его жителям разных сословий раздавались от казны парусные и гребные суда, которые оставались навсегда у владельцев и в случае «утраты или обветшалости возобновлялись не только ими, но и потомками их».

Кроме прямой необходимости, Петром руководила в этом случае и другая цель: он хотел, во что бы то ни стало, воспитать из петербургских жителей ловких мореходов. Помимо обязательных «экзерциций» на Неве в каждое воскресенье и при любом попутном ветре устраивались еще «катанья на Неве» при всех празднествах и торжествах, которые были очень частыми. Но Петр не довольствовался и этим. В 1714 году им было сделано, по словам Вебера, особенное распоряжение, чтобы никто не смел плавать по Неве на веслах и чтобы постоянно употребляли паруса, хотя с людьми случались, чуть ли не ежедневно, несчастные случаи. Царю предлагали собрать деньги, чтобы устроить через Неву мост на судах (понтонках), но он «ничего не слушал и хотел силою принудить русских к мореходству».

«Царь, со всем своим семейством в особом буере, стоял у руля и правил. Царицы и принцессы в канифасных кофточках, красных юбках и круглых клеенчатых шляпах — все «на голландский манер» — настоящие саардамские корабельщицы. «Я приучаю семейство мое к воде, — говорит царь, — кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на море».

Он почти всегда берет их с собою в плаванье, особенно в свежую погоду, запирает наглухо в каюту и все лавирует против ветра, пока хорошенько не укачает их и, salvo honore, не вырвет — тут только он доволен!» (Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей). Собр.соч. т.2. — М. «Правда», 1990. с.396)

В 1721 году в Петербург прибыл герцог Голштинский. Петр пригласил его как жениха своей старшей дочери. В свите герцога находился камер-юнкер Вильгельм Фридрих Берхгольц. Этот молодой человек вел дневник, в котором чрезвычайно подробно описывал каждый свой день, прове-

Петр I и Екатерина I катаются в шняве по Неве.

С гравюры А.Ф. Зубова, 1716 год.

денный в Петербурге. Дневник впоследствии был издан. Вот выдержки из него:

"16 апреля 1723 г. В то время, как мы сидели за столом, был поднят флаг буеров и раздались два пушечных выстрела. Это было знаком, чтобы суда собирались к «Четырем фрегатам»...

Церемония на вскрытие Невы.

Катанье проходило под проливным дождем. Валторнисты на барках усердно оглашали воздух своею музыкой... Наконец, адмирал флотилии, поравнявшись с крепостью, спустил свой адмиральский флаг в знак того, что каждый может отправляться домой".

"3 июня 1723 г. В день сошествия Святого Духа... в 5 ч. после обеда катанье на барках. Затем все общество причалило к берегу у императорского Летнего дворца, где вышло, и потом отправилось в сад".

"20 июня 1723 г. Флаги, служащие сигналом для катанья на барках, были выкинуты совершенно неожиданно... В 7 ч. вечера, по прибытии императрицы, отплыли от «Четырех фрегатов». Вся флотилия сначала проехала по реке, а потом, через канал у императорского Летнего дворца (где мы, мимоходом, имели честь видеть у окна старшую императорскую принцессу) отправились к великому адмиралу Апраксину, у которого все наше общество собралось в саду. По прибытии нашем раздались его литавры, трубы и валторны, которые не умолкали во все время, пока мы там были".

"23 июня 1723 г. За адмиралом флотилии следовало по крайней мере 60 судов (из которых 24 или 25 барок с 6, 8 и 10 гребцами). Впереди адмирал с поднятым флагом, за ним — барка князя-кесаря, затем барка его высочества герцога Голицинского, за которыми тянулись уже все прочие.

(По дороге причаливают к дому князя-кесаря, где заставляют всех выпить по стакану крепкой перцовки. Затем флотилия плывет до Екатерингофа, где опять заставляют пить.)...»

Неизвестно, насколько Петр достиг своей цели, но, во всяком случае, жители Петербурга усердно пользовались лодками, как в угоду царю, так и поневоле, потому что до-

роги, и в городе, и в окрестностях, были абсолютно непроезжими из-за болотистой почвы. На Московскую сторону, кроме зимнего времени, нельзя было попасть иначе как водой. Мощение улиц, начатое еще в 1710 году, подвигалось крайне медленно, так что после дождя на иных улицах почти нельзя было ни пройти, ни проехать. Дороги под Петербургом были еще хуже и содержались так плохо, что весной и осенью на них лежали десятки дохлых лошадей, павших прямо в упряжи между трясинами. Иначе и не могло быть: петербургские жители едва управлялись с городскими работами, а в окрестностях Петербурга шли одни пустыри, нескончаемый лес и топь. Зимой волки заходили в город целыми стаями, напа-

дали на людей, домашний скот и особенно собак, которых они разрывали не только у ворот домов, но даже во дворах. Необходимость заселить окрестности Петербурга сделалась

Летний сад и дворец при Петре I.
С гравюры 1716 года.

настолько очевидной, что Петр роздал много пригородных земель своим приближенным и сам построил целый ряд загородных дворцов.

Следующие 1711—1714 гг. особенно замечательны в истории Петербурга, потому что ни до ни после в России не было построено такой массы зданий за такое короткое время.

Петр построил себе Летний дворец, названный так от примыкающего к нему Летнего сада. Летний сад во времена Петра состоял из нынешнего сада, так называемого «нижнего» и соединялся мостом с другим «верхним садом», который находился за канавой, там, где расположен сейчас Михайловский замок. Летний сад играл видную роль в царствование Петра, здесь часто бывал весь двор, проходили разные празднества и давались придворные летние балы в устроенных для этого галереях.

Вот как описывает один из праздноков в Летнем саду писатель Мережковский: «Шлюпки, верейки, ботики, эверсы и прочие «новоманерные суда» подъезжали к деревянной лесенке, спускавшейся прямо к воде, и причаливали к вбитым у берега сваям с железными кольцами. Приехавшие, выйдя из лодок, подымались по лесенке в среднюю галерею, где при огнях иллюминации уже густела, шумела и двигалась нарядная толпа: кавалеры — в цветных шелковых и бархатных кафтанах, треуголках, при шпагах, в чулках и башмаках с пряжками, с высокими каблуками, в пышных пирамидальных, с неестественно роскошными буклями, черных, белокурых, реже пудренных париках; дамы — в широчайших круглых юбках на китовом усе — робронах, «на самый последний Версальский манер», с длинными «шелепами» — шлейфами, с румянами и мушками на лице, с кружевными фантажами, перьями и жемчугами на волосах. Но в блестящей толпе попадались и простые, из грубого солдатского сукна, военные мундиры, даже матросские и шкиперские куртки, и пахнущие дегтем, смазные сапоги, и кожаные треухи голландских корабельщиков». (Мережковский Д.С. *Антихрист (Петр и Алексей)*. Собр. соч. т.2. — М. «Правда», 1990. с.3-37)

В обыкновенное время здесь позволяли гулять всем петербургским жителям, исключение было только для тех, кто носил серый армяк и в особенности бороду. Почти одновременно с Летним дворцом Петр построил себе в 1711 году Зимний

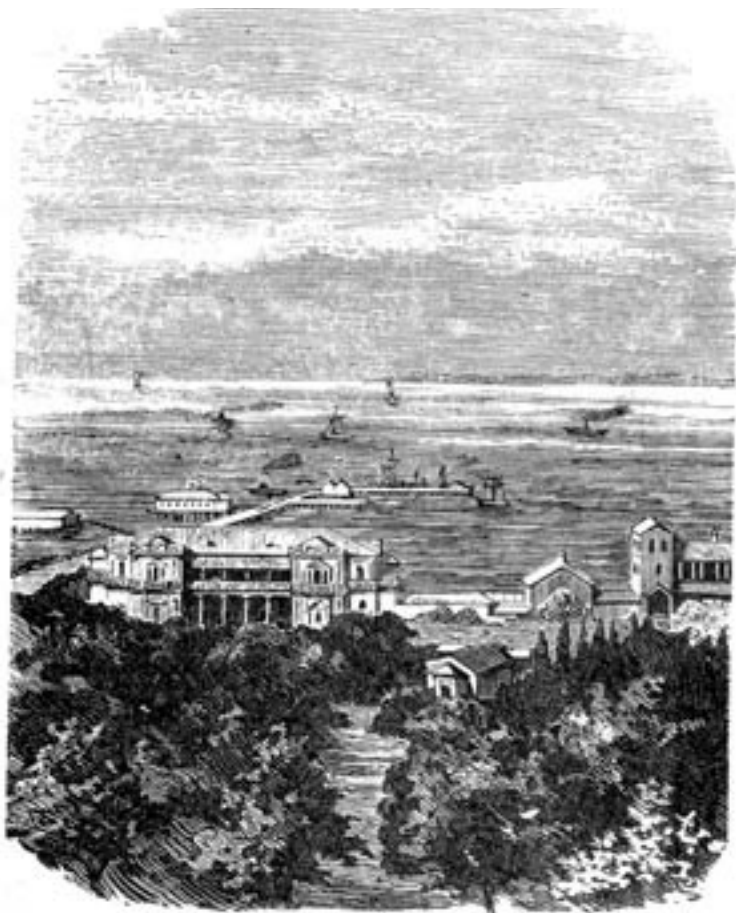

Стрельна.

дворец из небольших палат со шпиром, по голландскому обычаю.

На заливе Петр выбрал два места для своих увеселительных дворцов, одно в 17 верстах от столицы, на реке Стреле, которое он назвал Стрельной или Стрельною мызою и подарил Елизавете Петровне. А другое — в 28 верстах от столицы, где построил для себя дворец, развел великолепный сад с фонтанами и назвал Петергофом. Соображаясь с желаниями царя, князь Меншиков также построил себе огромный дом на подаренной ему земле, в 8-ми верстах от Петергофа, развел при нем огромный сад и назвал это место Ораниенбаумом.

Однако Петр, при всем своем желании, не мог заняться надлежащим образом освоением окрестностей Петербурга, несмотря на насильственное переселение нескольких десятков крестьянских семейств. Все ограничилось постройкой увеселительных дворцов, т. е. тем, что сделано было самим Петром или под его непосредственным наблюдением.

Петергоф. Купеческая пристань.
Гравюра XIX века.

При заселении новой столицы Петр приложил всю свою энергию, и число петербургских жителей увеличивалось с невероятной быстротой. По переписи 1714 года в новой столице оказалось 34550 больших и малых домов, хотя многие

из них, по словам очевидца, «не трудно было разобрать в два часа и перенести на другое место».

Город представлял собой беспорядочную массу сдвинутых друг к другу хибар, рядом с красивыми каменными домами и огромными деревянными зданиями. Все владельцы домов и имевшие хоть какой-то достаток должны были навсегда остаться петербургскими жителями, с правом выезжать из столицы не более как на пятимесячный срок с разрешения Сената. Только бедняков отпускали на прежние места жительства.

Вышло множество постановлений о высылке в Петербург лиц разного звания: дворян, купцов, мастеровых и пр. с женами и детьми. В 1714 году Петр, заметив, что в городе по недостатку камня не мостят улицы, приказал всем судам, приходившим в Петербург через Ладожское озеро, а также всем подводам, едущим в город, привозить камень. Суда, смотря по их величине, должны были привозить по 30, 20 и 10 камней, крестьянские подводы - по 3 камня. На первых камни должны были весить по 10 и более фунтов, на вторых - по 5 фунтов. Легковесных камней привозить не разрешалось, за каждый недостаток платилось по гривне.

Однако мощение улиц, несмотря на количество привозимого камня, по-прежнему велось крайне медленно. Город несколько раз перепланировывался, везде стояли разметочные вехи, и никто не знал - какая улица будет проложена заново, а какой дом будет снесен. К тому же одного мощения было недостаточно. Для осушения города часто приходилось сначала насыпать землю, чтобы поднять грунт. Для этой же цели была прорыта целая сеть каналов.

С огромным нежеланием и только в силу царских указов в новую столицу переселялись дворяне и знатные вельможи, составлявшие московское высшее общество, потому что это

Ассамблея. Потчевание провинившегося гостя кубком "Большого Орла".
Худ. Н. Дмитриев-Оренбургский.

переселение, по их словам, «лишало их двух третей состояния». В Петербурге они должны были тратиться на платья, заморские вина и прочие вещи, к тому же платить за все наличными, даже за дрова (в окрестностях Петербурга с 1718 года запрещалось рубить лес). А в Москве и в других местах России они получали из своих деревень все необходимое для себя и своей челяди, чем и существовали весь год. При этом им приходилось выносить разные неудобства, страдать от холода и сырости в наспех построенных домах, которые к тому же были плохой защитой во время наводнений.

Ко всему этому трудно было привыкнуть представителям Московской Руси, которые веками жили в полной безопасности, в своих теплых и насиженных хорах. В Петербурге их ожидал крутой переворот во всем укладе жизни, во всех привычках. Даже развлечения и празднества Петра не могли нравиться русским людям. Наряду с торжествами, с восторгом встречавшимися в народе, такими, как празднование побед, царских именин, церковных праздников, было много таких, которые шли вразрез со стариной русской чопорностью и понятиями о приличиях (например, развлечения Всешутейшего собора, свадьба князя-папы, пиры и ассамблеи с участием женщин, спуски кораблей, при которых русским знатным людям приходилось сидеть рядом с корабельными мастерами и прочими нечиновными иностранцами, шестидневные уличные маскарады, наподобие виденных Петром в Голландии, катанье по Неве во всякую погоду, шутки на 1-е апреля в виде мнимого пожара и т. п.). Конечно, русского человека не поражало гомерическое пьянство, которым сопровождались все подобные празднества, приневоливание гостей при угощении вином, запираание дверей и ворот — все это издавна велось в русской земле, но многих тяготило принуждение к участию во всех увеселениях. Ни болезнь,

ни семейные обстоятельства не могли служить оправданием отсутствия.

«Длинные узкие столы, расположенные в виде подковы, уставлены были холодными закусками, острыми соленьями и копченьями, возбуждающими жажду. Еда дешевая, вина дорогие. На подобные празднества царь выдает из собственной казны Адмиралтейству тысячу рублей — по-здешнему, деньги огромные. Садились, как попало, без соблюдения чинов, простые корабельщики рядом с первыми сановниками. На одном конце стола восседал шутовской князь-папа, окруженный кардиналами. Он возгласил торжественно:

— Мир и благословение всей честной компании! Во имя Отца Бахуса, и Сына Ивашки Хмельницкого, и Духа Винного причащайтесь! Пьянство Бахусово да будет с вами!

— Аминь!— ответил царь, исполнявший при папе должность протодьякона.

Все по очереди подходили к его святейшеству, кланялись ему в ноги, целовали руку, принимали и выпивали большую ложку перцовки: это чистый спирт, настоящий на красном индийском перце. Кажется, чтобы вынудить у злодеев признание, достаточно пригрозить им этой ужасной перцовкой. А здесь ее должны пить все, даже дамы.

Пили за здоровье всех членов царской семьи, кроме царевича с супругой, хотя они тут же присутствовали. Каждый тост сопровождался пушечным залпом. Палили так, что стекла на одном окне разбились.

Пьянели тем скорее, что в вино тайком подливали водку. В низких каютах, набитых народом, стало душно. Скидывали камзолы, срывали друг с друга парики насильно. Одни обнимались и целовались, другие ссорились, и в особенности, первые министры и сенаторы, которые уличали друг друга во взятках, плутовствах и мошенничествах». (Мережков-

ский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей). Собр.соч. т.2. – М. «Правда», 1990. с.405)

Русский человек привык с древности к безусловному повиновению власти, но у себя дома он чувствовал себя хозяином. При Петре же регламентировалось всё его существование: постройки его дома, одежды, наружности, места жительства и даже его развлечений.

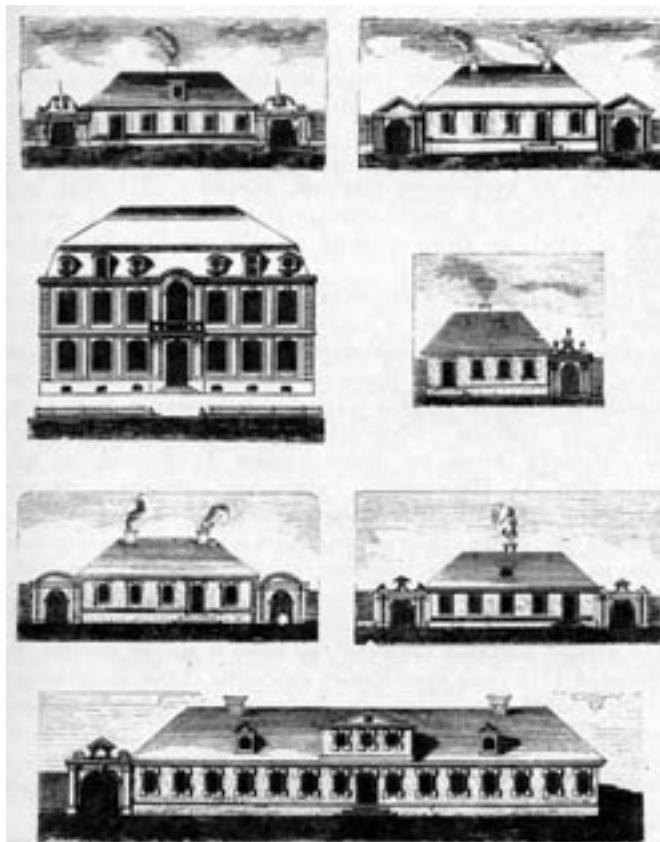
Правительство требовало, чтобы все частные постройки переселенцев производились непременно по тем образцам и системам, какие нравились царю. Государство регламентировало архитектурно-строительную практику. Разрешались только те архитектурные решения, которые были признаны целесообразными с утилитарной, технической и художественной точек зрения. Для регламентации использовались царские указы, контроль за их выполнением возлагался на московский Приказ каменных дел, а затем — на учрежденную в 1706 году Канцелярию городского строения, ведавшую застройкой Петербурга. Архитекторы состояли на государственной службе и имели чины — от капрала до генерала.

Петровские регламенты охватывали все стороны архитектуры — от планировки города и его благоустройства, до облика зданий и их конструкции, включая даже устройство дымоходов. Прямым следствием петровских указов стало уже в конце XVII в. увеличение строительства жилищ из кирпича и камня (ради противопожарных целей).

Городские дома предписано было строить мазанковые «прусскою манерою и непременно на каменном фундаменте, кровли следовало делать или черепичные, или из дерна, «как в Ингрии — по жердям скалою в два дерна». Кровельных мастеров выделялись обер-комиссаром Сенявиным. Нарушители этих постановлений должны наказывались «яко

явные преступники с жестокостью». Деревянное строение, если оно было разрешено, должно было быть из бруса, а если из бревен, то снаружи обитое тесом и окрашенное или расписанное под кирпич и т. п.

Не хватало архитекторов, и выход был найден в выпуске образцовых проектов. «Каким манером дома строить...

Типы домов в Петербурге. С гравбры XVIII века.

брать чертежи от архитектора Трезина», — гласил указ 1714 г. Трезини и Леблонем была создана своеобразная «серия» образцовых проектов жилых домов для Петербурга. Разнообразные по типам проекты позволяли удовлетворить застройщиков с разными требованиями к жилью и разной степени зажиточности, обеспечив столь желанное для Петра единообразие в застройке новой столицы. Строительство по образцовым проектам получило впоследствии широкое распространение в России вплоть до середины XIX века.

Из всех реформ в столице наиболее законченной и успешной была касавшаяся учреждения полицейского управления в Петербурге. В 1718 году для «лучших порядков» назначен был первый петербургский генерал-полицмейстер - Девиер. При назначении на должность ему были даны четкие указания, как «врученное дело управлять». В двенадцати статьях были изложены обязанности полиции о наблюдении за правильностью построек в городе, чистотою на улицах и переулках, порядком на торговых площадях и рынках.

Полиция должна была осматривать три раза в год печи в зданиях, уничтожать «шинки, зернь, карточную игру», «хватать людей подозрительных», собирать у домохозяев сведения о приезжающих и отъезжающих, учреждать ночных караульщиков, «которые бы ходили по ночам с трещотками как обычай в других краях». Затем, в добавление к этим статьям издано было много частных постановлений, которые главным образом касались городских построек и внешнего порядка на улицах. Так, в 1719 году было замечено, что коровы, козы и свиньи, ходившие по улицам, портят дорогу и деревья, поэтому велено было держать пастухов. В следующем году запрещено извозчикам ездить на невзнузданных лошадях и т. п. Охрана деревьев составляла предмет особой заботы Петра I. По его распоряжению было запрещено ру-

В хачевне.

бить большие деревья в городе, даже если они росли посередине улицы. На рынках полиция должна была наблюдать не только за порядком, но и за свежестью съестных припасов. Все торгующие в Петербурге продуктами на улицах и в лавках должны были «ходить в белом мундире по указу, а мундиры бы делали по образцу, как в мясном и рыбном рядах у торговых людей». Было также увеличено количество врачей, учреждены госпитали, больницы, богадельни и пр. В предупреждение эпидемий лечение сделано обязательным для всех.

Были приняты строгие меры против нищенства, а против «воровских приходов и всяких непотребных людей» в 1720 году устроены шлагбаумы. Они были сделаны по концам каждой улицы, опускались ежедневно вечером в одиннадцатом часу, а подымались после того, как пробьют «утреннюю зарю» в крепости. Ночью через шлагбаумы пропускались только воинские команды, знатные люди, лекари, священники, повивальные бабки и посланные по делам службы. Все они должны были иметь при себе фонари. А из «подлых» велено было пропускать «разве, кто за крайнею нуждою пойдет, один с фонарем (спрося его), а если пойдут два, три и более человек, тех брать под караул».

С 1721 года начали освещать улицы фонарями, которых потребовалось 595, все они были изготовлены по образцу фонарей, стоявших у императорского дворца.

Особенное внимание было обращено на пожарную часть. Поэтому, несмотря на множество деревянных зданий, пожары были небольшими и скоро тушились. На всех городских башнях дежурили караульщики, днем и ночью, которые едва замечали пламя в каком-нибудь здании, то «начинали набат, повторяемый на всех колокольнях, и били тревогу в барабаны». На пожар, согласно царскому указу, тотчас же сбега-

Вид Исаакиевской площади конца XVIII века.
С гравюры того времени Патерсона.

лись тысячи плотников и солдаты под страхом жестокого наказания за неявку. Царь являлся всегда одним из первых на пожар, поощрял работников и, в случае большой опасности, вооружался сам топором, взбирался на полусгоревшие дома и приводил в ужас зрителей своей смелостью.

К 1718 году город принял довольно значительные размеры и число домов достигло уже 40000.

Перед Адмиралтейством находился морской рынок и кабак, называемый «Петровским кружалом», стоявший на лугу, где по воскресеньям и праздничным дням собирались рабочие, крестьяне и мастера и вступали в кулачный бой. Сперва он начинался как бы в шутку, но скоро дело доходило до настоящей драки, лилась кровь, волосы летели клочьями на землю — и многих уносили домой в бесчувственном состоянии. Вдобавок бои эти обыкновенно сопровождались дикими воплями, слышными на далеком расстоянии.

По другую сторону Адмиралтейства, обращенную к Иса-

Катание с ледяных гор в Санкт-Петербурге.

акиевской площади, были бедные слободы — Пушкарская, Большая и Малая Морские. На площади стояла деревянная церковь Исаакия Далматского, которую в 1717 году начали переделывать в каменную. Напротив церкви (на месте Сената) находилось длинное и высокое мазанковое здание, крытое черепицей, построенное Меншиковым, в котором помещались французские и немецкие мастеровые (за что казна платила Меншикову деньги). А часть города между Мойкой и Екатерининским каналом была наполнена только топями и болотами. «Невская перспектива», начиная с Полицейского моста до Александро-Невской лавры, была почти совсем пустынна, и только по ее левую сторону стояло несколько небольших зданий. Пространство между Екатерининским каналом и Фонтанкой было покрыто лесом, только на берегу Фонтанки находились дачи с садами.

Несмотря на все усилия Петра, новая столица населялась крайне неравномерно, большая часть улиц была безымянной, поэтому, по рассказам современников, если нужно было найти чей-то дом, то необходимо было подробно описать место, где он находится. Расспросам не было конца, пока не встречался человек, хорошо знавший город или человека, которого искали.

В последние годы своего царствования Петр задумал перенести город на Васильевский остров, решив оставить на левом берегу Невы только Адмиралтейство, Литейный двор, дома мастеровых и солдат. Меры для перемещения не были сложны или тщательно продуманы. Кто владел в России некоторым числом дворов, а также зажиточное купечество должны были тотчас по получении указа отправляться в Петербург или посылать родственников с деньгами строить дома на Васильевском острове, под страхом конфискации имущества. В то же время объявлено было всем пе-

КОМЧИНА ПЕЛПА БЕЖКАТО, ИТОС ТОДА.

тербургским жителям, имевшим дома «на Адмиралтейском острове», а также на Московской и Петербургской сторонах, что они должны немедленно переселяться на Васильевский остров и переносить сюда дома. Ослушникам угрожала «ломка домов» и насильственное переселение на Васильевский остров «в черные избы». Петр также сделал распоряжения о постройке на Васильевском острове каменных казенных зданий. Были построены: огромное здание двенадцати коллегий (нынешний университет), каменный дворец для царицы Прасковьи (принадлежащий теперь Академии Наук), особый дом для помещения библиотеки и Кунсткамеры и т. п. Однако мысль о перемещении столицы осталась неосуществленною, частные дома так медленно строились на Васильевском острове, что большая часть их не была окончена при Петре.

30 августа 1721 года был заключен Ништадтский мир, по которому шведы уступили России: Лифляндию с островами Эзелем и Даго, Эстляндию, часть Финляндии с Выборгом, и Карелию с Кексгольмом. Государь узнал о заключении мира 3 сентября, в дер. Дубки, и на другой день, рано утром отправился на легкой бригантине в Петербург, пристал к Троицкой площади и, выйдя на берег, сам возвестил народу радостное событие. Вслед за этим начался ряд празднеств, которые были только прелюдией великолепного торжества, назначенного на 22 октября, на котором Петру был поднесен титул «Императора Всероссийского».

В первый день января 1725 года царь по своему обыкновению слушал обедню в церкви св. Троицы и проповедь своего любимца Феофана Прокоповича. В последних числах того же месяца в Петербурге разнеслась весть о кончине Петра Великого и о восшествии на престол Екатерины I.

Императрица Екатерина I.

**Как начинались:
река Нева, Санкт-Петербург,
Петропавловская крепость.**

По заказу ИП Макарычева А.Л.
E-mail: mak_al_fm@mail.ru.